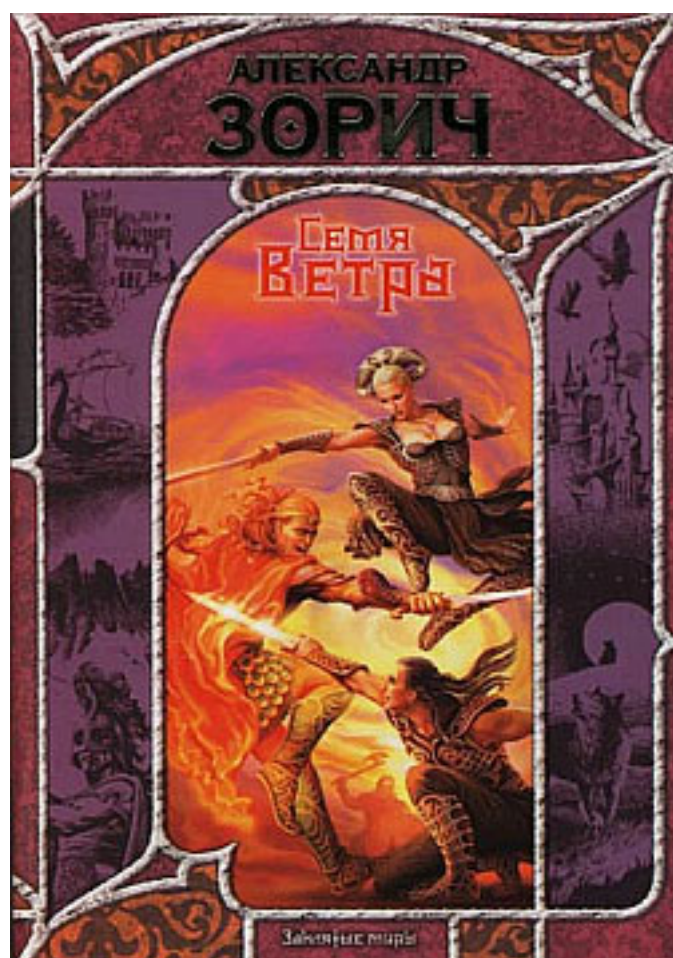

Александр Зорич
Семя Ветра
Серия «Пути Звезднорожденных», книга 2

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133832
Семя Ветра: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 5-17-040272-4, 5-9713-4101-4, 5-9762-1594-7*

Аннотация

Семя Ветра.

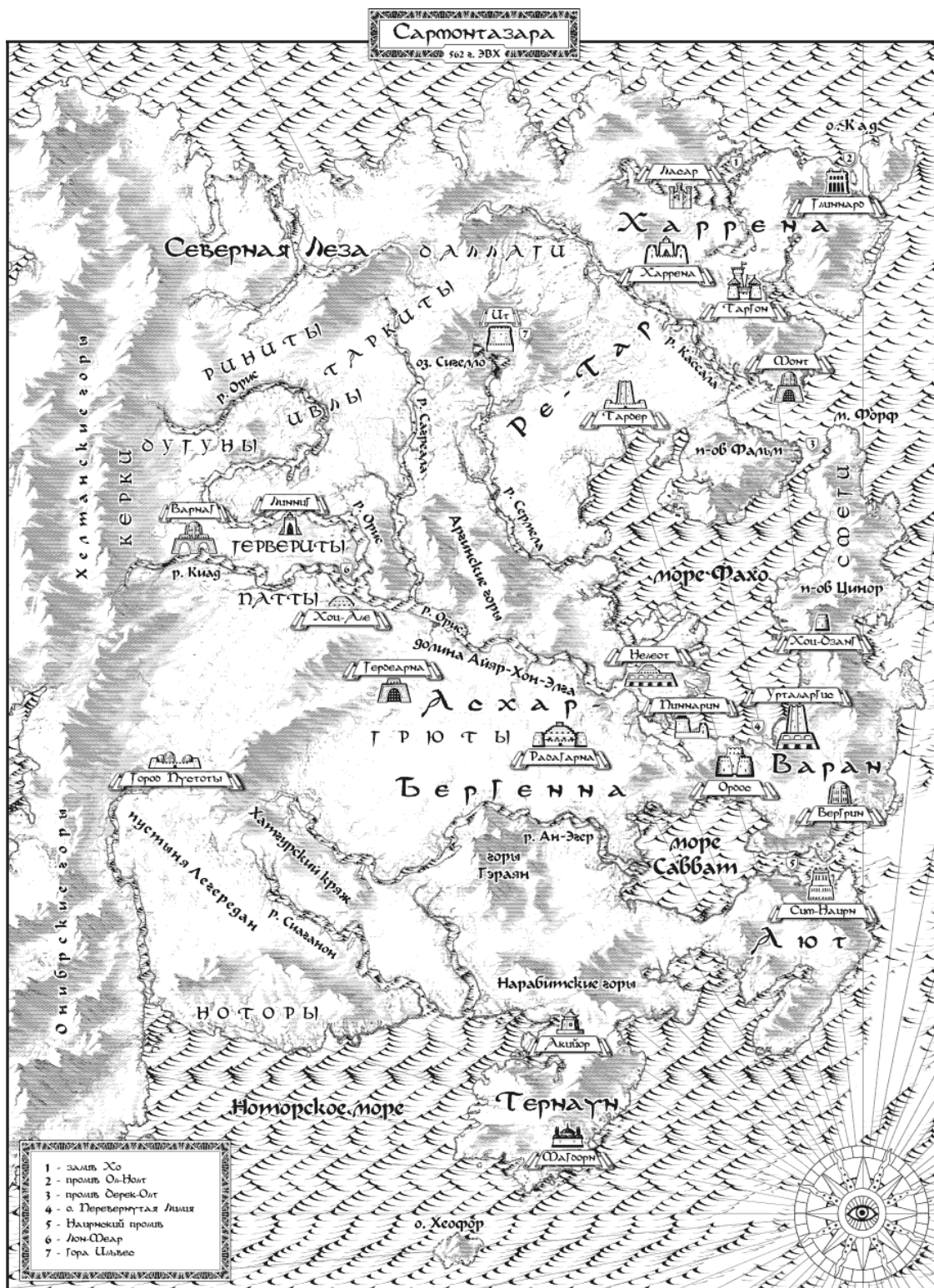
Древний магический артефакт, веками приносивший силу и удачу могущественному Дому Конгетларов – таинственному клану непобедимых наемников и безжалостных убийц.

Ныне же Дом Конгетларов истреблен в междоусобной войне, и в живых остался лишь лучший из бойцов клана – Герфегест.

Он должен любой ценой – не щадя ни своей, ни чужой жизни – уберечь Семя Ветра, которое маги Круга Земель намерены использовать в новой Войне Богов...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	44
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Пролог

Когда забвение завладело памятью Герфегеста, прошлое почти полностью перестало существовать для него. Только родовое имя осталось в памяти – как маяк в ночи.

Он был Конгетларом – в этом у него не было никаких сомнений. Но ничего больше Герфегест не помнил.

Семь долгих лет, проведенных в Сармонтазаре, не возвратили ему памяти о своем Доме. Лишь трижды за много лет ему случилось назваться Конгетларом. Но ни разу имя его Дома не вызвало ни в ком даже тени понимания.

Это имя было чужим в Сармонтазаре.

Память вернулась к Герфегесту вместе с Семенем Ветра – осколком волшебства, которое попало к нему в руки после долгих лет, проведенных в скитаниях и жестоких битвах. Вначале Семя возвратило ему знание о Ветре. Затем – о Пути Ветра. И наконец – об Идущих Путем Ветра, о мужчинах и женщинах его Дома, Дома Конгетларов. Восьмого и самого своеобразного из благородных Домов Алустрала.

В ослепительно ярких снах перед Герфегестом раскрывались картины ушедших в небытие дней. Безбрежные, хищные моря Синего Алустрала, гордые крепости, уходящие в неласковые грозовые облака, многоярусные корабли, златотканые штандарты, кичливые гербы и исполненные тайны улыбки прекрасных женщин...

Долгое ученичество в Обители Ветра и беспощадные схватки... Иногда – за победу, чаще – за жизнь. Звон стали, посвист стрел, надсадный крик, медленно уходящий в стон...

В живых картинах прошлого он видел свое лицо. Видел и лица своих родственников. Они проступали сквозь пелену непоправимого, их глаза сияли темным пламенем ярости. Они повествовали о Падении Дома Конгетларов.

Семя Ветра, найденное им в подземельях цитадели Тайа-Ароан, возвратило Герфегесту утраченную книгу родовой памяти. Пожелтевшие страницы этой книги были щедро обогреты кровью и напоены ядом несбывшихся надежд.

Живя в аскетическом уединении среди Хелтанских гор, Герфегест не знал, стоит ли радоваться обретенному знанию. Едва ли оно способно изменить его жизнь к лучшему. Да и по силам ли тяжесть такого знания последнему отпрыску испепеленного Дома? Едва ли, едва ли.

Так думал Герфегест, вдыхая ледяной воздух гор. Он был уверен, что путь в Алустрал закрыт для него навсегда. Потому что Врата Хуммера непроницаемы. Потому что в Алустрале уже четырнадцать лет его дожидается смерть. У людей Алустрала слишком хорошая память.

Потому что – и это самое главное – пропитанный ужасом и ненавистью междоусобий мир Алустрала не стоит даже сухой былинки под его, Герфегеста, ногами.

Герфегест не сомневался в том, что горькие воспоминания о его пасмурной родине, подаренные ему Семенем Ветра, – последнее прощание с землей его предков.

Но затейница-судьба распорядилась иначе.

Часть первая

Мир Суши

Глава 1

Посланцы Алустрала

1

Врата Хуммера не пропускают живых тварей.

Только мертвых.

Человек может – может, если знает правильные слова на Истинном Наречии – прикинуться мертвой тварью и остаться живым. Лошадь – нет. Поэтому прошедшие через Врата были пешими. Они перемещались совершенно бесшумно и им не нужно было беспокоиться о том, что рассерженный конский храп выдаст их в безмолвный предрассветный час.

Слепец, который был с ними, нетерпеливо грыз прутья стального намордника. Он чуял Семя Ветра лучше самой натасканной ищейки, он привел своих хозяев сюда и жаждал получить причитающееся ему по праву. Его уже давно не кормили ничем вкусным. Очень давно.

Круглое, небрежной кладки строение, прилепившееся к краю каменистого холма среди корней исполинской сикоморы, было окружено со всех сторон.

Предводитель отряда произнес слова, ошибиться в которых означало умереть.

Слепец ответил едва различимым голубым проблеском в трех буграх на его омерзительной голове. Предводитель – сейчас его звали Мелет – не ошибся. Он хорошо помнил заклинание.

Мелет снял со Слепца намордник, освободил его передние роющие лапы от кожаных перевязей и отстегнул поводок вместе с кованым стальным ошейником. Теперь Слепец был предоставлен самому себе.

Не прошло и минуты, как он исчез под землей.

Пластинка лунного камня, врезанная в ошейник Слепца, просветлилась. В ее молочно-белых недрах Мелет теперь мог видеть Нить Бытия страшного паука-убийцы, которого Врата Хуммера пропустили в этот мир без малейшего неудовольствия.

Слепец не был живой тварью. У него не было жизни – лишь бытие.

2

В эту ночь в его сны снова пришел грохочущий Алустрал.

Герфегест уже успел привыкнуть к ним, привыкнуть к тому, что любая ночь может принести страшную реальность прошлого.

Каждый сон рассказывал ему что-то новое о его жизни там, по ту сторону Врат, и каждый раз он проклинал непрошеное вторжение былого. Кто сказал, что это легко – помнить?

Это была страшная война. Страшная и жестокая. Так не истребляют крыс. Так люди могут истреблять только людей. Весь мир против Дома Конгетларов. Армия против крепостцы. Флот против галеры. Сорок убийц против одного человека с секирой на длинном и легком древке. Таком длинном, таком легком...

Герфегест видел смерти людей своего Дома, видел, как плавись камни цитадели Наг-Туоль, видел, как исполинские каракатицы, послушные флейтам Пастырей, сокрушили трехмачтовый корабль его отца. Видения сменялись с непостижимой быстротой. Но вдруг бурные потоки его сна встретились с чуждой преградой и замедлили свой бег...

Вечер. Древнее круглое святилище, прилепившееся у корней исполинской сикоморы. Он, Герфегест, сидит на камне, погрузив ноги в ледяной ручей, в двадцати шагах от своего дома. В его руках – меч, его глаза закрыты, солнце медленно погружается в расштрихованный океан серых, лишенных листвы деревьев. Это не Алустрал. Это Сармонтазара.

Уже совсем темно, но все-таки Герфегест видит, как стремительная вода несет к нему нечто. Еще не опасность, но уже ее тень, ее эхо.

Упитанный дохлый паук, светящийся на поверхности ручья, как в пучинах синих морей Алустрала светятся орды гигантских медуз и полчища жирных креветок, которых на южных островах называют «крак», а на северных – «эльор».

Паук совсем близко. Меч Герфегеста словно бы невзначай проворачивается в его ладонях, и вот уже две половинки исполинского паука, рассеченного лезвием вечной волосяной заточки – гордостью Белого Кузнеца Гаиллириса, – продолжают путь вниз по течению.

Сон обнажает свои черные, гнилые клыки. Четыре бронзовые статуи-хранительницы в жилище Герфегеста наполняют мир тревожным, горестным стоном.

3

Герфегест открыл глаза вовремя.

Статуи-хранительницы надсадно гудели.

Ойкнула, вцепившись в его плечо, пробудившаяся Тайен. Герфегест не видел, но знал, что утопанный земляной пол, единственным украшением которого была плетеная из тростника циновка без узора, вспучился на пол-локтя. Может быть, ему поведало об этом слабое дуновение ветра? А ведь ветер не лжет тем, в ком течет кровь Конгетларов.

– Все хорошо. Не о чем беспокоиться, – совершенно спокойно сказал Герфегест Тайен, ловя себя на мысли, что так бессовестно он еще не лгал никому.

Мгновение спустя он, перекатываясь через левый бок, стрелой вылетел из-под медвежьей шкуры.

Его правая рука безошибочным движением выдергивала меч из ножен, повешенных в изголовье кровати. А глаза Герфегеста, расширяясь от ужаса, наблюдали за тем, как из-под земли, разгораясь мертвенным бледным светом, появляются многоколенные конечности.

Первым ударом Герфегест укоротил Слепца на одну ногу. Но остальные одиннадцать вкупе с телом уже полностью выпростались из-под земли. Глухо зашипев, Слепец обрушил на Герфегеста сдвоенный ложноязык.

Жгучий бич просвистел там, где Герфегеста не было. Уже не было – Ветер быстр и стремителен; всякий из Конгетларов, кто не научился этому, умирал еще до совершеннолетия. Остальные жили дольше. Жили, чтобы исчезнуть навсегда в жерновах войны.

Герфегест был лучшим из Конгетларов. Теперь уже безусловно лучшим, потому что некому было оспорить его первенство.

Слепец был опасным противником. Три выпада Герфегеста не достигли цели – тварь ловко отскакивала назад, а в третий раз полоснула ложноязыком по его ногам.

Он упал на спину и тотчас же две пары передних лап Слепца впились Герфегесту в грудь, прищипливая его к земле, как булавки итского любознателя – бабочку.

Гортанный вскрик Тайен – и длинная цепь, увенчанная шипастым шаром, вошла Слепцу прямо между слуховыми буграми.

Слепец ослабил хватку, озадаченный таким оборотом дела. Вкусное-мягкое-беззащитное оказалось тоже противником. Противника надлежит уничтожить.

Тайен имела неплохую реакцию. Но она не имела такого безошибочного чутья в темноте, как Герфегест. Ложноязык Слепца заставил ее вскрикнуть вновь. На этот раз от боли.

Но благодаря Тайен Герфегест вновь получил возможность сражаться и ярость устроила его силы.

Он откатился в сторону, подальше от многоострых лап Слепца, вскочил на ноги и, видя, как тварь вся подобралась для рокового прыжка в сторону Тайен, всадил меч между ороговевших пластин – туда, где брюхо паука сочленилось с грудью.

Слепец рванулся, вывернул меч из кисти Герфегеста и в испуге отпрыгнул назад, недоумевая. Боли он почти не чувствовал, но теперь где-то внутри у него засела мерзкая полоса стали, и она мешала ему.

Герфегест слышал, как стонет раненая Тайен. Он видел перед собой неслышанно живучего противника: хонх-а-раг, грютский паук, который, как известно, тоже отнюдь не дитя, от такой раны умер бы в одно мгновение.

Он понял, что против этого гостя не поможет ни стрела, ни боевой цеп, ни десяток «крылатых ножей». Рано или поздно тварь убьет их, изможденных боем в темноте. Статуи-хранительницы вторили его мыслям печальным гудением.

Кроме силы своих рук, кроме силы своего оружия, удесятеренного искусством Пути Ветра, у Герфегеста не было ничего. Ничего – кроме Семени Ветра.

Он хранил его в небольшой каменной чаше, не тая, потому что судьбы вещей неподвластны смертным. Подчас спрятанное за семью замками уходит от человека, как вода из растрескавшегося кувшина. Иногда – наоборот. Никому не дано знать плетения Нитей Лаги.

Герфегест не знал, в чем сила Семени Ветра, он просто хранил его. Если оно сейчас не поможет ему – значит, не поможет уже никогда, значит, многолетние поиски его были всего лишь праздным развлечением, азартной кровавой возней.

Эти мысли пронесли в голове Герфегеста быстрее проблеска молнии, пока он, уклоняясь от очередного броска Слепца, в одном диком, невысказанном прыжке достигал угла, где на простом деревянном постаменте стояла чаша с Семенем Ветра.

Он схватил его – небольшое, граненое, тусклое – и, сжав в кулаке, развернулся навстречу Слепцу, осознавая, что от смерти его отделяет ровно одно неверное движение.

Что теперь?

Он не знает нужных слов, он не знает сути Семени, а его едва заметная тяжесть в ладони – ничто перед тварью-убийцей. С чего он взял, что эта вещь вообще в состоянии кому-либо помочь?

И тогда Тайен произнесла слова, которых он не слышал от нее никогда раньше. От нее – никогда.

Последний раз он слышал звуки этого наречия семь лет назад. Говорившие на нем не были людьми. Говорившие на нем были его врагами, говорившие на нем были его друзьями, говорившие на нем были могущественны, как само небо. Но они были Звезднорожденными, *не людьми*.

Однако сейчас ему было совершенно безразлично, откуда Тайен, девушка из забытой горной деревни, знает Истинное Наречие Хуммера. Потому что вместе с первыми звуками ее голоса Семя Ветра в его ладони полыхнуло живительным огнем, который мгновенно поднялся вверх по руке, вошел в сердце и мозг и заставил все тело, радостно вздрогнув, принять могущественное Изменение.

Ложноязык Слепца, ринущийся в незащищенное лицо человека, встретил шершавую, твердую как сталь кору, стремительно прорастающую шипами навстречу врагу.

Слепец не мог постичь происходящего. Безошибочное чутье подсказывало ему: надо отдернуть ложноязык. Но сделать это было уже невозможно – две руки-лианы изменившегося Герфегеста обвили ядовитую плоть Слепца и притянули его к себе.

Прежде чем Слепец успел по-настоящему испугаться, в его плоть, проникая сквозь сочленения хитиновых пластин, вошли тысячи мелких, быстрых, всепроницающих корней...

Мелет, предводитель отряда убийц, с непониманием и страхом смотрел, как в пластине лунного камня блеснула яркой вспышкой, мгновение спустя поблекла и погасла нить бытия Слепца.

4

Тайен зажгла факел, хотя в нем теперь не было особой нужды: где-то за высокими пиками Хелтанских гор медленно подымалось солнце и прозрачная весенняя ночь сменялась мглистой предрассветной серостью. Сквозь узкие проемы под потолком в святилище вползал приглушенный туманом свет.

Понимание происходящего пришло к Герфегесту сразу же, без переходов, одним рывком.

– Я... я был растением?

– Не вполне, – серьезно покачала головой Тайен. – Но ты полагал себя растением и благодаря Семени Ветра смог собрать в себе силу деревьев и трав с десятков окрестных лиг. Ты подобрал ее в себя, как срез со стеклянного шара собирает солнечные лучи в одну ослепительную точку и прожигает лист черного папируса. Ты смог направить силы растущего против этой твари, и ты разрушил ее. Разрушил, но не убил, ибо невозможно убить неживущее.

Герфегест посмотрел себе под ноги. Пол святилища был устлан тошнотворными останками паукообразной твари.

Разодранные пластины хитина. Вывороченные из суставов лапы, покрытые сотнями коготков. Стекланистые внутренности, похожие на сгустки омерзительного студня. Все пребывало в мелком, едва заметном движении, бессильно поскребывало по распоротой тростниковой циновке, судорожно сгибалось, едва заметно дышало. Сон про паука в ручье был вещим?

Откуда Тайен ведомо Истинное Наречие Хуммера? Какова полная сила Семени Ветра, если сейчас ему – не более чем опытному воину, но отнюдь не искушенному магу – удалось разрушить страшного врага? Что привело сюда тварь, о которой никто и не слыхивал в Сармонтазаре?

Вопросы теснились в гудящей голове Герфегеста, саднила израненная грудь, но статуи-хранительницы не умолкали. Они лишь сменили тон и лад своего предупредительного гудения.

Это означало, что времени на разговоры у них нет.

День обещал быть солнечным и жестоким. В подтверждение мыслей Герфегеста снаружи раздался щелчок тетивы и в дверь что-то стукнуло. Конечно, стрела.

5

Если тебя хотят убить, незачем выпускать стрелу в твою дверь. Нужно целиться в твоё горло. И всадить железное жало точно в кадык – чтобы наверняка.

Герфегест не сомневался в том, что паук-убийца и неведомые гости за дверью связаны одной неразрывной, хотя пока еще и непонятой цепью причин.

Вначале незваные гости хотели его убить, теперь же обстоятельства изменились и они хотят разговора. Значит, надо поговорить. Почему нет?

Герфегест был по-прежнему наг, но отнюдь не смущался этим. Подобрал среди останков Слепца свой меч, он подошел к двери. Немного помедлил. Потом распахнул дверь настежь.

Выстроившись полуколом у ручья, напротив святилища стояли полтора десятка человек.

Они были одеты в пластинчатые панцири с огромными декоративными наплечниками. На головах у них красовались гребенчатые шлемы с полумасками, прикрывающими глаза и нос.

Вооружены незнакомцы были преимущественно секирами на длинных древках, трое имели короткие луки с крутым прогибом. А один, стоящий чуть впереди остальных и выделяющийся небольшим церемониальным щитком на левом предплечье, опирался на палицу с массивной многогранной главой. Он поигрывал цепью с разомкнутым ошейником, который пришелся бы впору теленку, но отнюдь не собаке.

Три лучника – значит, застрелить его, в совершенстве владеющего «веером бражника», будет непросто. Хорошо.

Десяток обалдуев с секирами – значит, его все-таки зарубят. Зарубят, оставив в кровавой траве шесть-семь своих. Плохо.

Два черных лебедя на пурпуре церемониального щитка – значит, Алустрал пришел в Сармонтазару. Потому что черные лебеди – птицы Гамелинов. Очень, очень плохо.

– Я имею два вопроса, – сказал главный, когда приличествующий молчанию срок истек. Теперь по привычным установлениям Алустрала полагалось либо говорить, либо сходиться в танце бурана стали, либо расходиться. Расходиться, похоже, никто не собирался, рубиться было рано, оставалось говорить.

– Я имею два вопроса, – повторил главный, смакуя каждое слово («Наверное, общаться с людьми ему выпадает редко», – некстати подумал Герфегест). – Где мое животное и ты ли Герфегест из проклятого Дома Конгетларов?

– Твое животное... – Герфегест усмехнулся. – Оно очень устало и легло отдохнуть. Если хочешь, можешь ложиться рядом – я не буду возражать.

– Отвечай на второй вопрос! Ты – Герфегест?! – рявкнул Мелет.

– Да, я Герфегест, – с достоинством поклонился Герфегест. – Из бесчестно истребленного Дома Конгетларов, – добавил он и в глазах его блеснули кровавые отблески пламени. Пламени над башнями Наг-Туоля.

– Хорошо, Герфегест из проклятого Дома Конгетларов, – сказал Мелет с особым нажимом на «проклятом». – Мое животное приходило не за твоей жизнью. – Герфегест был другого мнения, но он счел за лучшее промолчать. – Оно искало одну вещь, которая принадлежит пославшим меня. Имя этой вещи – Семя Ветра. Отдай ее нам и мы уйдем. Уйдем так же, как некогда ты ушел из Алустрала. Мы не причиним вреда ни тебе, ни твоей женщине.

С последними словами Мелет едва заметно улыбнулся, бросив взгляд куда-то за спину Герфегеста.

Герфегесту не нужно было оборачиваться чтобы понять, что в дверях святилища давно стоит Тайен. Стоит, так же, как и он, не стесняясь своей наготы, и в ее руках сейчас напряженный лук, а через плечо повешены колчан и широкая перевязь с метательными ножами.

Ее отражение Герфегест видел в глазах Мелета, и еще, к своему огромному удивлению, он видел, что Мелет не лжет. По крайней мере предводитель отряда верил своим словам. В противном случае его лицо раскрыло бы Герфегесту темные намерения своего обладателя.

Со своей стороны, Герфегест счел ложь унижительной.

– Твое животное не ошиблось. Семя Ветра действительно со мной. Но ответ – по какому праву вы пришли требовать с меня то, что сполна оплачено моей кровью? Я искал Семя Ветра семь лет, я истоптал Сармонтазару от Када до Магдорна, от Цинора до Хелтанских гор и сделал это не единожды. Семя Ветра принадлежит мне, как мои легкие и печень.

Мелет рассеянно пошевелил носком сапога свившуюся у его ног цепь Слепца.

– Твои легкие и печень слишком легко достать теперь, человек из проклятого Дома Конгетларов. Слишком легко, чтобы ты мог спорить.

Мелет был прав. Его правота была воплощена в мощных панцирях пятнадцати воинов, принадлежащих Дому Гамелинов. Его правота тусклым пламенем жила в широких лезвиях секир. Его правота была вплетена в тетивы куцых складных луков.

Когда-то у Герфегеста был друг. Элиен, сын суровой северной Харрены, прожил короткую человеческую жизнь длиною в двадцать два года, *превзошел* ее и последние семь лет бытийствовал прошедшим через второе рождение Звезднорожденным.

На исходе своей человеческой жизни Элиен начал войну за спасение своего Брата по Слову. «Слишком долгая история, чтобы вспоминать ее перед лицом своих убийц», – подумалось Герфегесту. Элиен выиграл войну, спас Брата по Слову и обрел преданного друга – Герфегеста. Но, главное, в этой войне Элиен нашел свою любовь, странную и непостижимую Гаэт, девушку-тень.

Герфегест навсегда запомнил тот день – второе число месяца Вафара. В тот день закончилась их дружба.

Элиен, только что переживший второе рождение, превзошедший свою человеческую сущность и необратимо изменившийся, оставался, чтобы навсегда забыть о войне и жить во имя любви к Гаэт. Герфегест, последний из Конгетларов, уходил, чтобы найти Семя Ветра и раствориться в Хелтанских горах.

Тогда Герфегест не понимал Элиена, не понимал, что означает новая отрешенность в его взгляде. И только встретившись с Тайен, он понял, что в жизни нет и не может быть ничего лучше покоя, ничего выше любви. Ни слава, ни могущество, ни борьба во имя призрачной справедливости не стоят ни любви, ни даже покоя.

Сейчас, стоя с обнаженным мечом перед своим кровавым прошлым, которое жестоко и решительно вторглось в безмятежность настоящего, Герфегест принял решение, о котором – он это знал совершенно доподлинно – ему никогда не придется жалеть. Ни ему, ни Тайен.

Герфегест разжал левый кулак и протянул Семя Ветра Мелету.

– Вот оно. Возьмите его и уходите. Можете передать Гамелинам, что Герфегест из Дома Конгетларов умер сегодня ночью от укуса горной сольпуги.

Мелет, удовлетворенно кивнув, неспешно направился к нему, чтобы взять Семя Ветра и уйти. Так велел ему тот, кому он служил. Люди Алустрала жестоки, но они никогда не язвят побежденных – если, конечно, не получили приказаний язвить их. Мелет шел молча, ничто не выдавало его торжества над Герфегестом.

– Этого нельзя делать, Герфегест, – россыпью «крылатых ножей» прозвенели слова Тайен. Она говорила на языке герверитов – она не хотела, чтобы ее понимали Мелет и его люди.

Вслед за этим зазвучало уже слышанное Герфегестом заклинание на Истинном Наречии Хуммера. События посыпались, как горох из треснувшего мешка.

Тайен, вскинув лук и рывком натягивая тетиву, послала стрелу в Мелета.

С ужасом перед необратимостью происходящего наблюдая, как Мелет падает, неловко подворачивая раненую ногу, Герфегест почувствовал, что его тело охвачено уже знакомым порывом обратиться в средоточие древесной плоти.

Тайен оставалось произнести еще ровно два слова, чтобы Изменение завершилось окончательно, но лучники уже выстрелили. Три стрелы рассекли утреннюю дымку.

Часть силы Семени Ветра уже вошла в Герфегеста и только это спасло его от смерти.

Стрела лопнула в четырех пальцах от его груди и упругие волокна расщепленного ивового прута, хлестнув его по лицу, отпрянули назад, слизнули с ладони Семя Ветра, упали на землю.

Две другие стрелы были назначены Тайен и обе отведали ее плоти. У Тайен еще оставались силы произнести заклинание до конца, но в нем уже не было смысла – в руке у Герфегеста больше не было Семени Ветра. Он почувствовал, как незавершенное Изменение стремительно обратилось вспять, оставляя его при прежней человеческой сущности.

Мелет во всю глотку призывал Ярость Вод Алустрала снизойти на головы вероломных обманщиков, но и без его приказаний люди Гамелинов были уже совсем близко.

Истекающая кровью Тайен наградила Мелета еще одной стрелой – на этот раз слишком самоуверенно. Стрела истратила всю убойную силу, чтобы пробить ромбовидное зеркало на груди Мелета, и вошла едва до середины наконечника.

Перенапряженные струны зыбкого равновесия, когда еще можно было разойтись с миром, лопнули все до последней.

Герфегест, бросив прощальный взгляд на Тайен – его подруга умрет быстрее, чем он, любое из двух ранений смертельно, – почти неуловимо и пугающе быстро приблизился на полтора шага к нападающим.

Ровно на полтора шага – чтобы расстояние до ближайшего воина сократилось быстрее, чем тот, ослепленный жаждой мести за своего предводителя, успел остановиться. Быстрый удар с полузамаха пришелся между щегольским наплечником и шеей воина. Недостаточно, чтобы перерубить позвонки, но более чем достаточно, чтобы из вскрытой артерии забила струя крови.

Отпрыгнув от падающего тела, Герфегест увидел разом два полукружия секир, рушащихся на него из серого утреннего неба, и что было силы швырнул свое тело назад. Докрутившись до полного прыжка через спину, он снова оказался на ногах, но уже – у самой стены святилища.

Прямой колющий удар секиры, направленный в его живот, пришелся в камень. Прежде чем нападающий успел подать древко назад, Герфегест проткнул его чуть выше тяжелой поясной бляхи – там, где у всякого ежа есть свое мягкое подбрюшье.

Удар ноги под колено еще одному недругу заставил того на несколько мгновений забыть себя от боли. Этих мгновений хватило Герфегесту, чтобы, захватив его за короткую косицу, выбившуюся из-под шлема, обрушить податливую тяжесть под ноги двум праздным зевакам с оружием.

Он пока еще совсем не устал. Он плевать хотел на глубокий надрез, оставленный острием чьей-то неучтенной секиры на предплечье. Он мог себе позволить до поры до времени не замечать рваную рану между ребрами и кровавое пятно на месте снятого лоскута кожи с ягодицы.

Проведя серию обманных выпадов, Герфегест ранил еще одного и оказался наконец там, где ему следовало бы быть с самого начала – в дверях святилища, служившего ему домом последние семь лет и, похоже, становящегося теперь усыпальницей для него и для Тайен. Здесь можно было продержаться еще какое-то время. Но только зачем? Зачем, если против него еще девять совершенно здоровых и готовых к схватке головорезов?

Люди Алустрала, убедившись, что Герфегест неуязвим в рукопашной, расступились, предоставив трудиться лучникам.

Три свежие стрелы искали сердце Герфегеста, но он не дал им убить себя. «Веером бражника» прогудел его меч и стрелы, перерубленные, измочаленные, сломанные, застучали по деревянной двери.

– Никому не вверяй Семя Ветра, Герфегест. Никому.

Это были последние слова Тайен. Она умерла у его ног, по щиколотку вязнувших в замешанной на крови земле. Герфегест понял, что у него нет больше сил терпеть все это – колючую прохладу ясного утра, гнетущий рокот статуй-хранительниц и невыносимое ощущение близкой смерти, каждое мгновение которого тянется дольше века.

Герфегест хрипло вскрикнул и ринулся навстречу лучникам. Пусть на крыльях трех стрел его душа отправится в Святую Землю Грем. Последний Конгетлар уйдет легко, как ветер, который волен приходить и уходить, и ничто не удержит его в этом мире.

6

Лучники смотрели на Герфегеста, бегущего к ним по прямым дорогам их взглядов, простертым над стрелами. Лучники понимающе улыбались самоубийце.

Все трое захрипели разом. Улыбки сменились гримасами предсмертного отчаяния. Их луки дрогнули, стрелы ушли в небеса.

Герфегест, который ждал смерти, увидел, как его несостоявшиеся убийцы упали один за другим.

Воины с секирами, которые спокойно ждали роковой развязки, благородно предоставив Герфегесту самому выбирать свою смерть, сорвались со своих мест. Они понимали только одно: последний Конгетлар почему-то жив, стрелки почему-то мертвы и, следовательно, убить гибкого фехтовальщика придется им самим.

Герфегест, получивший отсрочку рокового приговора, не испытывал никаких чувств, кроме легкой досады. Он жив, а все происходящее вокруг него снова спуталось в клубок загадок.

Невидимый союзник, в благорасположенность которого верилось с трудом, убил его палачей. И вот теперь – делать нечего, милостивые гиазиры, – меч Герфегеста вновь встретился с чужой сталью, раскалывая вычурный прогиб лезвия на три нескладных осколка! Секира выказала неожиданно дурную закалку.

Он не заметил, как на поляне, уже порядком вытоптанной, появились трое странных людей.

Герфегест не успел разглядеть их толком, всецело поглощенный сложной каскадной защитой от двух весьма опытных бойцов. Нападающие, плюнув на секиры, обнажили короткие, но от этого едва ли безопасные клинки.

Герфегест рубился с ними по всем правилам и не обращал внимания на то, как именно трое новых незнакомцев расправляются с последними людьми Гамелинов. Сейчас Герфегесту было важно только одно: эти трое отлично управляют со своим оружием и оружие их отнюдь не служит делу Гамелинов.

Все закончилось быстро. Герфегест, сплошь залитый своей и чужой кровью и этим отвратительный себе до тошноты, подошел к раненному стрелами Тайен Мелету.

Глаза предводителя блеснули ненавистью. Как он ни силился, подняться на ноги он не мог. Меч Герфегеста был полностью властен над его никчемной жизнью.

– Ты стоишь своей девки и своего проклятого Дома, Конгетлар, предавший смерть своих. – В словах Мелета было слишком много правды, чтобы их мог вытерпеть, не придя в бешенство, человек Алустрала. Но Герфегест был человеком Сармонтазары. Он мог снести и не такое.

– Пустое вспоминаешь, все это в прошлом. Лучше скажи, зачем Гамелинам Семя Ветра? – спросил Герфегест почти спокойно.

– Гамелинам? – В глазах Мелета Герфегест увидел загадочный отблеск тайного знания. – Ты не понимаешь, человек из проклятого Дома Конгетларов...

Удар двуручного топора расколол голову Мелета до самой шеи. Две половины гребчатого шлема, опав на его наплечники, ужасающе быстро окрасились алым. Лишенное жизни тело беззвучно опало на землю.

Сознание Герфегеста, замутненное быстрой чередой необъяснимых, ужасных и пустых событий, встретило происшедшее почти бесстрастно. Герфегест поднял тяжелый взгляд на убийцу. Им являлся один из его неожиданных союзников, до которых ему пока не было никакого дела.

– Мелет – низкий пес, – очень тихо сказал низкорослый обладатель хищного боевого топора. – Его слова не стоят горсти пустых ракушек. Его жизнь дешевле кружки морской воды.

Карлик тоже говорил на языке Алустрала. Если бы это было наваждение!

7

Итак, еще вчера он был счастлив, спокоен, умиротворен, вечен.

Вчера их было двое – слишком много для отшельничества, слишком мало для воинства, вполне достаточно для любви. Он и Тайен.

Сегодня Тайен была мертва, поляну между святилищем и ручьем покрыли пятнадцать чужих тел, его невзыскательный, но любимый дом был усыпан останками омерзительной членистоногой твари. Он, Герфегест, чудом остался жив. И с ним были трое непрошенных спасителей.

Все было до безумия невероятно. Поэтому, когда все четверо, даже не успев познакомиться, оказались в ледяной воде ручья, чтобы смыть пот, кровь и усталость, это никого не удивило.

И даже когда один из воинов, ловко сбросив одежду, оказался молодой женщиной, Герфегест лишь пожал плечами. Чего только в жизни не бывает! Воительница, встретив его удивленный взгляд мимолетной понимающей улыбкой, запросто представилась:

– Киммерин.

Так не представляются люди высокого происхождения. Слишком коротко, слишком просто. Люди высокого происхождения говорят так: «Герфегест из Дома Конгетларов», да еще зачастую прибавляют: «...на службе у Дома такого-то» или «...на службе у Империи».

– Герфегест, – коротко кивнул Герфегест, сочтя, что в данном случае довесок «из Павшего Дома Конгетларов» будет совершенно неуместен. А то еще дева-воительница и ее двое молчаливых спутников подумают, что он кичится своим скандальным Домом перед ними, низкородными. Такая скромность – или что-то еще, ускользнувшее от Герфегеста – была встречена двумя молчаливыми спутниками Киммерин бледными, но дружелюбными улыбками.

– Двалара, – слегка поклонился один.

– Горхла, – представился другой, карлик.

И все. Киммерин легла на дно ручья, погрузившись в воду с головой – к ледяным омоновениям подобного толка питал слабость и сам Герфегест. Воины Алустрала только так и купались.

Назвавшийся Дваларой фыркнул, втягивая воду носом и сплевывая ее через рот. Тоже дело. Горхла набрал в рот воды, встал на руки и застыл. Теплая компания на загородной прогулке. Благорастворение!

Один лишь Герфегест был по-прежнему озабочен. Имена у всех троих были очень странные. О принадлежности их обладателей к какому-либо из Семи Домов Алустрала они ничего не сообщали, а Герфегест был не из тех, кто способен удовлетвориться неведением.

Слишком много изменений за один день. Герфегест чувствовал, что может себе позволить быть предельно откровенным. Плевать он хотел на все формулы вежливости!

– Кому вы служите? – спросил Герфегест, ожидая услышать либо ложь, либо спесивое «никому».

– Ганфале, – ответил Горхла, акробатически заваливаясь из стойки на руках плашмя в воду и подымая ледяную тучу брызг. – Бр-р-р, холодно.

Его ответ ошеломил Герфегеста.

8

Ганфала.

Кто такой Ганфала для Синего Алустрала, милостивые гиазиры?

Тот же, кем был Леворго для Сармонтазары. Главный. Пастырь. Охранитель. Тот, кому до всего есть дело. Тот, кому ни до чего нет дела. И никто, равным счетом никто и никогда не смел называть Ганфалу просто Ганфалой.

Ганфала – Рыбий Пастырь, Ганфала – Синеву Алустрала Предержащий, Ганфала – Надзирающий над Равновесием.

Нет в Синем Алустрале слабоумного попрошайки, который не знал бы о Ганфале; но мало, очень мало сыщется людей, которые могли бы похвастать тем, что его видели. Герфегест, например, не видел. Никто из Конгетларов не видел. И никто из Конгетларов ему не служил.

И в то же время Ганфале служили все. Луна и звезды, рыбы и камни, песок и Синева Алустрала – потому что все было обязано ему своим существованием и, следовательно, служило.

Так или иначе, но *просто* «Ганфала» – это оскорбление и для Синевы Алустрала, и для Синеву Алустрала Предержащего.

– Ответь передо мной за свои слова, – сухо сказал Герфегест Горхле, выходя на берег и, якобы для согрева, запуская свой меч бесконечным «вееером бражника».

Киммерин, поднявшаяся из вод ручья словно варанская Дева Савват, и Двалара, взявшийся растирать ее крепкое тело, с интересом воззрились на Герфегеста.

– Ответить за слова? – Горхла нахмурился. – Меня редко просят о таком одолжении. И все просители встретились с Синевой Алустрала раньше, чем ты бы успел сосчитать пальцы на своих руках. Но Ганфала не велел делать тебе злого, он велел говорить с тобой, Рожденный в Наг-Туоле. Мы прошли через Врата Хуммера – и это мой ответ.

– Это не ответ. Я сам прошел некогда через Врата Хуммера. И все люди, убитые нами сегодня, тоже прошли через Врата Хуммера. Значит ли это, что они тоже служат Ганфале?

– Хорошо. – Горхла слегка пожал плечами. – Хорошо. Тогда я добавлю совсем немного. Ты – Герфегест из Дома Конгетларов, ты владетель Семени Ветра и именно поэтому мы здесь. В Алустрале нет никого, кто знает об этом, и давно в нем нет никого, кто смог бы отыскать тебя на необъятных просторах Сармонтазары. Никого – кроме Ганфалы и Гамелинов. Людей, присланных Гамелинами, ты уже видел, и ты видел их намерения. Мы очень спешили. Опоздай мы на несколько мгновений – ты был бы уже мертв.

– Ты говоришь о многом, но ты не говоришь ничего. Твои слова – шелест ветра в ветвях сикоморы, твои слова – скрип снега под моими ногами.

Карлик побагровел. Медленно, чтобы не уронить достоинства, он наклонился и поднял с земли свой топор.

– Ганфала не велел мне делать тебе злого. Но он ничего не говорил о том, что есть для тебя зло. Я вижу, что зло для тебя – твой язык. Я сделаю доброе тебе, если вырву его из твоей велеречивой глотки.

Двалара одобрительно хмыкнул. Киммерин (взгляд Герфегеста помимо его воли все время перебежал от лица Горхлы к притягательному телу девы-воительницы) – Киммерин поглядела на них с тревогой.

Герфегесту стало весело. Весело без всякой видимой причины. Он рассмеялся.

– Подумай над тем, что сделает с тобой Ганфала, когда вместо Семени Ветра ты принесешь ему мой язык, – сказал Герфегест, хотя никто из троих еще не говорил ему о том, что они посланы именно за Семенем Ветра.

Не нужно быть ни мудрецом, ни знатоком Истинного Наречия Хуммера, достаточно среди ночи разодрать в клочья тварь-убийцу, а на рассвете пришибить несколько Гамелинов, чтобы понять: кому-то в Алустрале понадобилось Семя Ветра. И едва ли нечто большее.

Карлик пробормотал одними губами невнятное проклятие, из которого Герфегест слышал только «...Хуммер...» и «...глубокая утроба...», но топор опустил. Неожиданно подала голос Киммерин:

– Ты прав и не прав, Рожденный в Наг-Туоле. Ты прав в том, что не веришь всему, что слышишь. Но ты неправ в том, что не берешься дослушать до конца. Мы действительно служим Ганфале, потому что для Алустрала начались тяжелые времена. Ганфала, Надзирающий над Равновесием, – единственный, кто может остановить Дом Гамелинов в его стремлении к безудержному сокрушению. Но посланы мы не только за Семенем Ветра. Сейчас ты услышишь все из уст самого Ганфалы. Помогите мне. – Последние слова Киммерин были обращены к Дваларе.

Двалара понимающе кивнул. Он расстелил свой плащ и извлек из походной сумы, сшитой из оленьей шкуры, две небольшие изящные курительницы.

Вслед за этим на свет появился каменный флакон с загадочным содержимым и маска из тонкой кожи, лишенная каких-либо характерных черт. На маске не было прорезей для носа и для глаз – только для рта.

Дальше происходило вот что. Киммерин легла на спину и надела маску. Двалара установил по обе стороны от ее головы курительницы и, несколько раз щелкнув огнивом, поджег благовонные палочки.

Затем Двалара поднес к губам Киммерин открытый каменный флакон. Несколько капель, отразив показавшееся из-за деревьев солнце, исчезли в приоткрытых устах девушки.

Горхла, которому, похоже, все это было не впервой, сделал Герфегесту пригласительный жест – садись, мол.

Сам он, окинув быстрым оценивающим взглядом бездыханные тела, направился к Мелету. Он содрал с его левой руки церемониальный щиток с Черными Лебедями Гамелинов, поднес его к уху и, пару раз стукнув по нему костяшками пальцев, одобрительно кивнул головой. Что-то ему понравилось.

Герфегест наблюдал за всем происходящим с абсолютной отрешенностью. В своей жизни он навиделся всякого. Есть много книг и разные ремесла для прочтения. Приблизительно так писал Трев Аспадский, дословно этот стих Герфегест уже не помнил. И если кто-то думает, что под книгами аспадский мудрец разумел пухлые тома желтой бумаги, испещренной красными чернилами, – тот не видит дальше собственного носа.

Горхла подошел к Киммерин. В его руках, кроме щитка с гербом Гамелинов, теперь был кинжал с вилообразной гардой.

Быстрым жестом опытного каллиграфа он нанес на горло Киммерин крохотную царапину. Потом, спокойный и уверенный в себе, не примериваясь, он плавными взмахами кисти покрыл царапинами запястья и щиколотки девушки. Выступили крохотные, но стремительно набухающие капли крови.

Потом Горхла заговорил глухим низким голосом. Это не были громокипящие слова Хуммера. Просто высокое наречие Синего Алустрала – и не более того.

– Волею Синевы Алустрала и Великой Матери Тайа-Ароан, именами Трех Тайных Алустралов и Надзирающего над Равновесием да откроются Пять Скважин тела твоего и да пробудится память о создателе твоём.

Горхла замолчал. Вместо него заговорил щиток с гербом Гамелинов – перехватив свой кинжал за лезвие, карлик принялся мерно постукивать костяной рукоятью по щитку.

Дым от курительниц, стоявших у головы Киммерин, был тяжелым и густым. Он не восходил к небу и не рассеивался в воздухе. Дым опадал тяжелыми, дурманящими складками и струился по телу Киммерин. По гладкой поверхности маски, скрывающей ее лицо. По обнаженной груди с маленькими сосками, по животу, рукам и ногам, по лону.

Дыхание Киммерин учащалось в такт постукиваниям Горхлы, ее тело едва заметно вздрагивало. Ноги Киммерин медленно согнулись в коленях и разошлись в стороны. Двалара подошел к Герфегесту и протянул ему флакон.

– Подставь ладонь, – шепнул Двалара.

Герфегест протянул ему тыльную сторону кулака. Он уже догадывался, что ему предстоит сделать. Впрочем, догадался бы, пожалуй, и любой другой мужчина.

Не колеблясь, он слизнул четыре капли, которые вытрусил из флакона Двалара.

Стоило жидкости коснуться его языка, как в голове пронесся горячий вихрь. В уши ворвался рвущий мозг грохот – таким ему теперь слышался стук рукояти кинжала о щиток. Память о Тайен растаяла без следа, зато Киммерин показалась ему невыразимо прекрасной, невыразимо соблазнительной, словом, той, обладание которой необходимо.

Двалара недвусмысленно ткнул пальцем в сторону лежащей в весьма нецеломудреной позе девушки. И столь же недвусмысленно отвернулся.

9

Теперь все пространство, весь мир были пропитаны грохотом.

Не было мыслей, не было ни стыда, ни страха – только желание. Герфегест вошел в Киммерин быстро и жадно. В нее – ждущую, захлебывающуюся экстатическим стоном, окутанную благовонным дымом.

В висках Герфегеста, вторя ритмичному грохоту щитка, бешено стучала кровь. Перед глазами расплывалась туманным пятном кожаная маска Киммерин. Прошрое рушилось в пучины небытия, будущего не было.

Последние часы были слишком тяжелы для него. Он истек быстро и бессильно закричал вдогон ускользящему наслаждению. И в этот момент маска Киммерин ожила. На ней наметились скулы, глазницы, нос...

В ужасе Герфегест отпрянул назад, но стальные руки вцепились в его плечи. Киммерин заговорила далеким, чужим голосом.

Голос принадлежал мужчине:

– Останься, Рожденный в Наг-Туоле. С тобой говорю я, Ганфала, Надзирающий над Равновесием.

Маска на Киммерин полностью преобразилась и уже не была маской.

Прямо в глаза Герфегесту смотрел оливковокожий человек. Он не был ни стар, ни молод – казалось, он вообще лишен атрибута возраста. Два длинных черных уса сходились под подбородком в одну косицу, конец которой был схвачен простым медным кольцом без узоров и украшений. Его дыхание несло свежий запах штормового моря.

Да, в глаза Герфегесту сейчас глядел Рыбий Пастырь и никто более. Это просто не мог быть кто-либо иной!

– Ты слышишь меня?

Герфегесту пришлось воздвигнуться на огромное волевое усилие, чтобы разжать судорожно сведенные челюсти.

– Я слышу тебя, Рыбий Пастырь.

– Это хорошо. Ты силен, Идущий Путем Ветра. Гамелины не смогли взять над тобой верх. Тебе удалось отверзть Пять Скважин тела Киммерин и именно благодаря твоей силе я сейчас говорю с тобой. А теперь слушай и молчи.

Герфегест в общем-то и без того молчал. Еще не хватало перечить самому Надзирающему над Равновесием!

– Над Синим Алустралом простерли свои черные крылья Лебеди Гамелинов. Их могущество растет слишком быстро. Равновесие стремительно разрушается. Ты – Конгетлар. Только ты можешь остановить Гамелинов. Ты нужен Алустралу, Герфегест. Я знаю – ты нашел Семя Ветра. Иначе ты сейчас не говорил бы со мной. Я хочу, чтобы ты пришел в Алустрал, чтобы ты принес Семя Ветра и свое искусство. Эти трое – Двалара, Горхла и Киммерин – были посланы мной, чтобы уберечь тебя и указать дорогу обратно. Все мы – они, ты и я – вервие одного каната.

Пока Ганфала говорил, мир вокруг Герфегеста плавился воском, растекался водой, истончался до дыма и исчезал без следа. Исчез грохот, исчезло тело Киммерин, канули в ничто ручей, поляна, усеянная мертвецами, курительницы и память о прошлом.

Герфегест и Ганфала неторопливо вышагивали по тропе, мощенной полированными плитами нежно-зеленого цвета. Тропа вилась по берегу неглубокого прозрачного озера дивной красоты. В озере были камни и островки – один довольно большой и много помельче.

В левой руке Ганфала держал длинный посох, увенчанный двурогим металлическим лезвием. На поясе у него висел небольшой мешочек, сплетенный из пурпурных водорослей – в таких носят фигуры для игры в нарк.

Герфегест не удивился новому превращению. Он уже не удивлялся ничему.

– Ты не согласен со мной, Герфегест, – заметил Ганфала так, будто они давно вели какую-то пустую беседу. О лошадях или, к примеру, о тягловых каракатицах.

– Ты прав, Рыбий Пастырь, я не согласен, – неожиданно для самого себя откликнулся Герфегест. – Я ничего не должен Синему Алустралу. Мой Дом был истреблен по тайному сговору других Домов, я обрел себя лишь в Сармонтазаре. Теперь я вновь лишился всего по вине людей из Алустрала. Если Гамелины вознамерились вновь вывернуть наизнанку Синеву Алустрала – пусть сделают это.

– Пусть сделают это, – эхом отозвался Ганфала, извлекая из своего мешочка «лебедя», и, ловким щелчком большого пальца подбив плоскую резную фигурку, отправил ее в зеленую траву одного из островков посреди озера.

– Ты узнаешь эти земли? – спросил Ганфала, указав пальцем туда, где упала фигура.

Герфегест всмотрелся повнимательнее. Да, надо быть полным ослом, чтобы не понять сразу смысл и назначение озера, окольцованного мощеной тропой. Это Круг Земель, а озеро – Океан, моря и заливы. Теперь Герфегест с легкостью различил восточное побережье Сармонтазары, длинный язык полуострова Цинор, бычий желудок моря Фахо, ромбовидный Тернаун и скалистый обломок Хеофора. Западнее тянулись длинные цепи Хелтанских и Онибских гор, а за ними раскинулись архипелаги Алустрала.

– Узнаю, – сказал Герфегест. – Узнаю, но едва ли сейчас помню, как называется тот островок, куда упал «лебедь».

Ганфала невесело усмехнулся.

– Священный Остров Дагаат.

Герфегест равнодушно повел плечом.

– Мне ничего не говорит это название.

– Еще десять лет назад оно никому ни о чем не говорило. Дагаат восстал из вод уже после того, как пал Дом Конгетларов.

Столь же ловко, сколь и в предыдущий раз, Ганфала отправил щелчком на островок второго «лебедя». В изумрудной траве раздался тихий стук соударения двух костяных фигурок.

По безмятежной доселе воде озера пробежала мелкая рябь. Что-то ухнуло в глубине – далекое, непостижимое, ужасающее. Герфегест увидел, как рукотворный мир Сармонтазары побежал трещинами. Пожухла харренская трава. Докрасна раскалились пески Легередана. Над морем Фахо встало колеблющееся парное марево.

Спустя несколько коротких варанских колоколов Сармонтазара полностью погрузилась в кипящую воду, а на месте разрозненных островов Алустрала вздыбился черный неведомый материк, от которого веяло холодом векового ужаса.

– Что это значит? – спросил Герфегест, который никогда не стеснялся выказать себя недоумком. В тех случаях, когда это было действительно важно.

– Это значит, что на Священном Острове Дагаате находится ключ к судьбам мира. И этот ключ в любой момент может попасть в руки Гамелинов. Есть только одно средство, способное смирить стихии, – Семя Ветра. И есть лишь один человек, способный посеять Семя Ветра в каменную твердь Дагаата, обратив веления рока во благо. Этот человек – ты, Герфегест Конгетлар.

– И что же?

– Гамелины сейчас сильны как никогда. На их стороне еще три благородных Дома. В любой момент Гамелины смогут взять Священный Остров Дагаат в свои руки и открыть тайну сокрушения мира. И тогда не останется ничего. И тебя, Рожденный в Наг-Туоле, тоже.

– Пусть, – непокорно тряхнул головой Герфегест, вспоминая смерть Тайен. – Пусть. Этот мир похож на отслуживший, проржавленный до дыр панцирь. Надо ли его жалеть?

– Ты упрям и своенравен, как ураган, – сказал Ганфала и в его голосе Герфегесту послышалось восхищение. – Но Заклятие Конгетларов сильнее твоего упрямства. Так вспомни его!

Перед глазами Герфегеста блеснуло двурогое лезвие боевого посоха Ганфалы. В горле полыхнуло пламя боли – боли, выскребающей душу до последней пылинки. В мозгу Герфегеста сверкнуло нестерпимым белым светом Заклятие Конгетларов.

Вначале был Лед предвечный
И более ничего.

Лед греет души Лорчей —
У Лорчей пламя его.

В грохоте молотов тяжких
Миру явилась Сталь.
Сталь дана Гамелинам,
Их беспощадным клинкам.

Два Тунца звонкобронных —
Порождены Синевой —
Южным Домам опора,
Юга хранят покой.

Над заводами колеблем
Ветром гибкий Тростник.
Танец его – для Хевров.

И Три Головы – для них.

Для Пелнов крылья простерты
Птицы, мощной, как смерть.
Им – Альбатроса дерзость,
Им – белизна и честь.

Тур, ярый в битве хищной,
Подъял на рогах небеса.
Тур – воитель Эльм-Оров,
Ужас в его очах.

Лед изойдет водою,
Ржавчиной Сталь изойдет.
Ветер, один лишь Ветер
Над прахом Домов воспоет
Песнь о падении сильных.

Герфегест умирал. И вместе с Заклятием в него входила боль всех погибших Конгетларов. И вместе с болью к Герфегесту приходило отчаяние.

Теперь ему уже никогда не отомстить за смерть Конгетларов.

Никогда не стоять на смотровой площадке отстроенного наново Наг-Туоля.

Никогда не вдыхать полной грудью крепкий утренний бриз, прислушиваясь к рокоту близкого любвеобильного моря...

10

В ноздри Герфегеста входил щекотливый благовонный дым. Все тело раскалывалось на куски от нечеловеческой усталости. В беспредельной высоте, широко распластав крылья, парил черный кондор.

К его щеке прикоснулась холодная женская рука. Тайен?

– Тайен? – прошептал Герфегест.

– Нет.

Идущий Путем Ветра знает: поддаваться навалившейся усталости – последнее дело. Герфегест поднялся на ноги одним рывком. В голове далеким эхом отозвалась боль. Вместе с ним поднялась с корточек Киммерин. Киммерин. Откуда он знает это имя?

Трупы воинов были сложены в один ряд вдоль берега ручья. Двое – карлик в потертой зеленой залме и высокий молодой воин в длинном темно-коричневом плаще – перебирали небогатые трофеи. Мечи, шлемы, три лука, несколько секир, поясные бляхи, наплечники, сапоги, щиток с двумя черными лебедями.

– Я... – неуверенно сказал Герфегест, ощупывая глазами лицо девушки, – я... мне нужно в Алустрал. Меня ждет Рыбий Пастырь.

– Я знаю, – кивнула Киммерин.

К ним подошел Двалара.

– Тебе понравилось с ней?

– О чем ты говоришь, Двалара? – спросил Герфегест, не вполне понимая, каким образом на язык ему подворачиваются нужные имена.

– Пройдет совсем немного времени и ты вспомнишь. Когда вспомнишь – знай, что все мы служим Ганфале и выполняем любые его приказания. Не будь на то его воли – я и Киммерин спорили бы только об одном: кто убьет тебя быстрее.

Киммерин едва заметно улыбнулась. Будто бы извинялась.

Герфегест не понимал их, но решил смолчать. Были дела поважнее бахвальства.

– Где Семя Ветра? – тревожно спросил он, бросив быстрый взгляд в сторону святилища.

Последнее, что помнил Герфегест о Семени Ветра, – это свое незавершенное превращение от заклинаний Тайен. Тогда Семя Ветра было в его руках, а после обломки расщепившейся стрелы слизнули его с ладони и оно упало в траву. Поляна была истоптана и залита кровью. На то, чтобы разыскать на ней Семя Ветра, могли уйти дни и недели.

– А это мы узнаем. Это мы сейчас узнаем, – чем-то исключительно довольный, сказал-пропел Горхла.

11

Слепец не умер, потому что не жил.

Останки его растерзанного Герфегестом тела, повинувшись слепому – ведь он за то и назывался Слепцом – стремлению самовосстановиться и вновь обрести целостность, успели уже отчасти собраться вместе. В дверях святилища Герфегеста и его новых союзников ожидало не самое приятное зрелище.

Вкривь и вкось сросшаяся головогрудь твари беспомощно мялась на трех лапах.

Голова, перебирая несколькими жвалами, медленно подбиралась к телу.

Извивающийся змеей ложноязык, однако, по неведомой Герфегесту причине стремился отнюдь не к воссоединению с головой. Он медленно пробирался в траве вдоль стены святилища, все более удаляясь от всего того, что осталось от Слепца.

Герфегест занес над Слепцом меч.

– Не трать зря время, – остановил его Горхла. – Еще успеется.

Герфегест покосился на карлика с раздраженным недоумением.

– Мы что, будем ждать до тех пор, пока он не соберется полностью и не прикончит всех нас?

– Нет. Ждать мы не будем. Мы расчленим Слепца перед самым уходом. А пока – найдем Семя Ветра.

Герфегест уже успел заметить на правой руке Горхлы рукавицу, искусно сплетенную из крошечных железных колец. Горхла ловко схватил извивающийся ложноязык Слепца защищенной рукой.

Пренебрегая хлесткими ударами ложноязыка по плотной холщовой ткани его залмы, на которую были нашиты медные бляхи с чеканными морскими чудами Алустрала, Горхла спросил у Герфегеста:

– Где ты стоял, когда выронил Семя Ветра?

– Приблизительно здесь. – Герфегест сделал несколько шагов в сторону и ковырнул землю носком сапога.

– Хорошо.

Горхла подошел к Герфегесту и швырнул ложноязык на землю.

– У Слепца есть два безусловных стремления, – пояснил он тоном итского любознателя. – Первое в том, чтобы восстанавливать свою целостность. А второе в том, чтобы идти к Семени Ветра. Для ложноязыка Слепца второе стремление сильнее первого. Отойдем. Не будем мешать его стремлениям.

С точки зрения Герфегеста, ложноязык Слепца вился по траве достаточно бесцельно. Но спустя некоторое время Герфегест обнаружил, что в его движениях есть некоторая закономерность. Сворачиваясь и разворачиваясь кольцами, ложноязык медленно отдалялся от того места, куда бросил его Горхла.

– Похоже, ложноязык Слепца знает что-то, чего не знаешь ты, Рожденный в Наг-Туоле, – не без иронии заметил Двалара.

– Возможно, – сухо согласился Герфегест. – Однако я полагаю, нам нет смысла стоять над обрывком беспросветно тупой твари, покуда он ищет Семя Ветра. Я должен предать земле тело Тайен.

– Разумно, – кивнул головой Горхла. – Очень разумно. Но могу ли я задать тебе один вопрос?

– Говори.

– Может, оденешься? Или отныне твоей единственной одеждой будет меч?

Первый раз за день Герфегест услышал что-то, похожее на шутку.

– Меч, – серьезно ответил Герфегест. Только сейчас он стал чувствовать холод.

12

Герфегест направился в святилище, которое служило ему жильем последние семь лет. Обезображенное нападением Слепца и его шевелящимися останками, оно сейчас больше походило на мясную лавку, где вместо мяса продают свежие отбросы.

Статуи-хранительницы – четыре бронзовые оленеглавые девы, установленные здесь некогда варанскими паломниками, – безмолвствовали. Опасность ушла, оставив боль, усталость и решимость до конца исполнить Заклятие Конгетларов.

Каменная чаша пустовала, и Герфегест не знал, суждено ли ей когда-нибудь еще принять Семя Ветра. Скорее всего – нет. Возможно – да.

Герфегест подошел к стенной нише, забранной грубой полотняной шторой. В нише хранилось то небольшое, в чем может нуждаться воин.

Яловые сапоги и легкие сандалии. Крепкие грютские штаны и просторная льняная рубаха. Пояс, плащ, подбитый медвежьим мехом, и выходной варанский кафтан, на котором голубой и белой нитью вышиты Пенные Гребни Счастливой Волны. Походный харренский сарнод и ореховая шкатулка со снадобьями, среди которых сыскались бы и яды. Боевой цеп и перевязь «крылатых ножей». Все. Меч был у него в руках, ножны висели в изголовье ложа. Их с Тайен ложа.

Герфегест оделся. Плащ, сандалии и ореховая шкатулка не без насилия уместились в сарнод. Перевязь с «крылатыми ножами» привычно легла на плечо. Герфегест взвесил в руке боевой цеп. Некоторое время он стоял, добиваясь совершенной чистоты мысли. Не вышло.

С яростным хрипом Герфегест обрушил тяжесть цепа на каменную чашу, хранившую до сегодняшнего дня Семя Ветра.

С глухим стуком осколки посыпались на земляной пол святилища. Нет. Ей никогда больше не суждено принять в свое каменное чрево Семя Ветра. Хоть в чем-то он теперь уверен.

Успокоив дыхание, Герфегест заткнул боевой цеп за пояс. Снял со стены ножны и вверил им изящный прогиб своего меча.

Лук и стрелы он возьмет позже. Впрочем, нет. Проклятые лук и стрелы, которыми на рассвете столь опрометчиво Тайен погубила все, брать с собой нельзя. Отныне они несут печать несчастья и их следует уничтожить.

Ну что же. Оставалась Тайен. Еще перед тем как осуществить отрезвляющее после кровавого безумия купание в ручье, Герфегест переложил ее холодеющее с каждой минутой тело на ложе.

Оно было там и сейчас.

Он намеревался вынести Тайен под открытое небо и предать ее земле там, где он впервые встретился с ней.

Но стоило Герфегесту склониться над ее мраморным холодным телом и прижаться пылающей горем щекой к ее мертвой, такой мертвой груди (ему не хотелось прощаться с Тайен на глазах у Двалары и особенно Киммерин), как статуи-хранительницы снова призывно зазвенели.

Герфегест отнял лицо от холодной кожи Тайен и слегка отстранился. Он не понимал, что означает звон статуй-хранительниц. Герфегест знал только одно – они никогда не станут подымать шум зря.

Тело Тайен, которое до настоящего момента было не более чем телом красивой мертвой девушки, начало неумолимо изменяться.

Под ее кожей стали проступать зыбкие загадочные очертания. Ошпаренный недоумением Герфегест отступил на два шага назад. Превращение, которое происходило с телом, не было ни пугающим, ни отталкивающим, но осторожность была наследственной добродетелью Дома Конгетларов.

Вскоре тело Тайен проявило свою истинную сущность.

Ее кожа разделилась на отдельные лоскуты, обратившиеся листьями больших киадских кувшинок. Волосы Тайен стали молодыми побегами повилики и мохнатыми стеблями хмеля. Глаза – двумя каплями харренского янтаря. Зубы – россыпью тернаунского жемчуга.

Затаив дыхание, Герфегест восхищенно наблюдал, как то, чему было назначено стать подчистую объединенным червями скелетом и двумя горстями истлевшей плоти, вновь наполнялось жизнью и движением. Такой странной жизнью, таким естественным движением!

Листья кувшинок опали на ложе и под ними Герфегест увидел великое множество цветущих клеверных головок. По святилищу закружились сонмы разноцветных бабочек – ленточницы, бражники, крапивницы. И в довершение всего, к огромному удивлению Герфегеста, из клевера возникли большая рыжая лиса и восседающий на ее правом ухе угольно-черный богомол.

Лиса подошла к Герфегесту и, ошалело потряхивая головой, потерлась о его ногу. Богомол соскочил на пол и с восхитительной прытью исчез под ложем.

Герфегест, ошавший едва ли менее чем лиса, довольно бессмысленно присел рядом с ней на корточки и почесал ее за ухом. Словно собаку.

– Сыть Хуммерова... – пробормотал он. Более пространные комментарии не шли ему в голову.

Когда из вереска и повилики выпорхнул дрозд и в несколько уверенных взмахов крыльями исчез за дверью, Герфегест только махнул рукой. Удивляло лишь одно – как в такой страшный и жестокий день могло произойти что-то, помимо уродливого и отталкивающего?

13

Двалара, Горхла и Киммерин гляделись тремя несмышлеными и перепуганными детьми, когда из святилища вышел Герфегест в полном боевом облачении, опушенный мельтешащим пестроцветием бабочек, с лисой у ног.

Горхла, впрочем, довольно быстро сообразил, в чем дело:

– Твоя подруга не была рождена земной женщиной, да?

– Да. Но я не знал об этом, – сказал Герфегест, и это была чистейшая правда.

Горхла нахмурился.

– Это не умно – не интересоваться, с кем делишь ложе. Обычно подобного рода неведение оборачивается большими неприятностями. Она могла тебя...

– ...Как ты можешь видеть, на этот раз все обернулось... – поторопился перебить Горхлу Герфегест. Он не мог сказать «хорошо», потому что не видел в смерти Тайен – кем бы она ни была – ничего хорошего. – Все обернулось иначе, – подобрал он наконец подходящие слова.

Горхла, ничего не говоря, направился к двери в святилище. Когда он проходил мимо Герфегеста, лиса опасливо шарахнулась в сторону и, помедлив мгновение, пустилась наутек. «Жаль», – подумал Герфегест, который почему-то заключил, что лиса скрасит его путь в Синий Алустрал.

– Постой, – сказал Герфегест, вежливо, но непреклонно схватив Горхлу за локоть. – Ты куда?

Герфегест почувствовал, как карлика сковало сверхчеловеческое напряжение.

– Хочу осмотреть место, где совершилось разложение твоей Тайен. Глиняные люди – опасные существа, – сказал Горхла. Чувствовалось, что он прикладывает немалые усилия к тому, чтобы его голос звучал непринужденно. – Как бы не вышло злого, – добавил он, делая попытку высвободить руку.

Но Герфегест держал его очень и очень крепко.

– Нет, – сказал он твердо. – Никто больше не войдет туда. Отныне, именем проклятого Дома Конгетларов, это святилище нарекается Усыпальницей Тайен. Никому не дозволено входить в нее, какими бы ни были его намерения – злыми или добрыми.

– Даже Слепцу? – невинным голосом спросил Горхла.

– Слепцу? – переспросил Герфегест насмешливо.

Он выпустил локоть Горхлы и стремительно подошел к настырно борющейся за целостность твари, которая копошилась теперь чуть в стороне от святилища, поближе к ручью. Не пожалев сил, он изрубил Слепца на хрустящие куски и расшвырял их по всей поляне.

Герфегест не видел, как за его спиной Горхла в один ловкий мах крюкообразно выброшенной вперед руки поймал в воздухе зазевавшегося бражника и, расплющив его мясистое тельце в своих стальных пальцах, быстро сожрал добычу. Вторую бабочку – ею оказалась нежно-желтая лимонница – он спрятал себе в суму до лучших времен.

– У тебя пыльца на губах, – сообщил Двалара Горхле очень тихим шепотом.

– Что у него на губах? – осведомился Герфегест, неожиданно повернувшись к ним.

– На губах? – удивился Горхла, успевший дважды облизнуться.

– Ты ослышался. Я говорю, что мы нашли Семя Ветра. Оно великовато для того, чтобы застрять в зубах, как земляничное, – нашелся Двалара.

– Нашли – так давайте сюда, – потребовал Герфегест, которого общество непрощенных спасителей начинало не на шутку раздражать.

– Возьми, – с неожиданной легкостью сказал Двалара, протягивая ему раскрытую ладонь.

Это было оно. Семя Ветра. Тяжелое и шершавое.

– И где оно было? – спросил Герфегест, который, вновь овладев Семенем Ветра, пришел в неожиданно приподнятое расположение духа. Теперь ему хотелось как-то скрасить неловкость, вызванную чересчур резким обращением пусть и с непрощеными, но все же спасителями.

– Угадай, – панибратски подмигнул Двалара.

Герфегест кисло скривился – у него не было сил играть в загадки.

– Оно застряло в подошве одного из людей Гамелинов, – отозвалась Киммерин.

– М-да? – скептически переспросил тот, оценивая расстояние от ложноязыка Слепца, который трепыхался посредине поляны, до уложенных на берегу ручья тел. – А этот вонючий обрубок? Он что, успел сползть туда и теперь возвращается?

– Нет, – серьезно качнула головой Киммерин. – Я пошла к ручью, чтобы наполнить фляги водой, и мой взгляд совершенно случайно упал на странный граненый камешек. Горхла сказал, что это Семя Ветра.

– Совершенно случайно? – переспросил Герфегест, улыбаясь.

– Да, совершенно случайно.

Последний из Дома Конгетларов оглушительно рассмеялся. Находятся же еще люди, которые полагают, что в эпоху Третьего Вздоха Хуммера может происходить что-то случайное!

14

Пути Звезднорожденных

Шет окс Лагин, Звезднорожденный, Сиятельный князь Варана, изволил гулять в одиночестве.

Руины Хоц-Дзанга... Никто и никогда во всей щедро окропленной кровью истории Варана не видел того, что он видит сейчас. Никто и никогда не мог сломить гордость и отчаянную храбрость смегов. Он, Звезднорожденный, смог.

Весна на Циноре, как и обычно, выдалась холодная. Мокрый снег неумоимо падал на огненно-рыжие волосы Сиятельного князя, на горячие камни, на теплые трупы мужчин и женщин.

Смегов больше нет. Все, кто остался, могут уместиться в трюмах двадцати торговых галер. Нет больше бессильных стариков, гордо именующих себя «колдунами», нет желтоволосых воительниц, нет метких лучников и вертких копьеносцев. Элиену будет интересно услышать об этом.

Но сегодняшним утром, когда серьга в его ухе сияла страшным изумрудным пламенем, когда Коготь и Наречие Хуммера творили победу, отнюдь не штурм Хоц-Дзанга занимал его мысли, отнюдь.

Рука Шета окс Лагина на мгновение окунулась в податливое марево не вполне обычного плаща и явилась на свет с шестиугольной бронзовой пластиной.

Карта мира. Его гордость. Пять лет назад он выковал ее из останков одной трогательной вещицы, милой сердцу Элиена, и вдохнул в нее новый смысл и новую жизнь.

Три девственницы дали ей свою кровь, трое юношей дали ей свое семя. Это была не та карта, какие рисуют скрупулезные путешественники на потребу купеческому любопытству. Это была правильная карта, даром что она пренебрегала многими мелочами. Зато на ней было главное. На ней было все.

Глубокая выжженная борозда, оставленная в землях Сармонтазары Знаком Разрушения. Ее не видят простые смертные – напоказ там по-прежнему где надо зеленеет трава, а где надо журчит ручей. Но Пути Силы необратимо изменены повсюду, и какой же я был тогда сосунок, что не смог разгадать смысла крохотной безделушки в рукояти его меча... Лон-Меар, где вот уже семь лет как нет больше Чаши. Зато, извольте видеть, любезный брат наш поставил там свой город, огромный город... Конечно, до Лишенного Значений ему далеко, но Орин впечатляет, милостивые гиазир, очень впечатляет. Что за люди эти Звезднорожденные? На месте Орина седьмой год горит выжигающим глаза углем Стекланный Шар.

Диоферида, сыть Хуммерова... А вот и моя новая столица, Ордос. А вот Цинор, а вот я на нем – зеленый изумруд. В общем, Сармонтазара как Сармонтазара.

Через центр карты, рассекая ее на две равные половины, шла мерцающая мертвенным голубоватым пламенем черта. Завеса Хуммера. Слева от нее лежали острова Синего Алустрала. Тоже ничего особо интересного. Белое пятнышко Молочной Котловины, полумесяц Ганфалы размером с полногтя, Золотая Цепь Калладира, багровый зрак Дагаата... Все на своих местах. Но! Несколько дней назад Завеса Хуммера всколыхнулась в том месте, где находились Врата Хуммера. Нечто проникло в Сармонтазару. Но что это и куда оно направляется?

Второй загадкой был вытянутый крестик Поющего Оружия – знак местонахождения Элиена. На следующий день после того, как всколыхнулась Завеса, Элиен покинул Орин и теперь движется на запад, к Хелтанским горам. Зачем? Керков воевать? Но любезный брат наш миролюбив, как овечка. По крайней мере после...

В спину Шета окс Лагина вонзилась стрела.

Очень непростой наконечник. Обычная дурацкая стрела исчезает в глубинах его плаща безвозвратно. Эту заговаривали долго и старательно. Долго, старательно и совершенно без толку.

Шет обернулся и принял вторую стрелу в грудь.

В пятидесяти шагах от него среди развалин крепостной стены торопливо натягивал лук чудом уцелевший смег.

– Не трать время, – сказал Шет, не повышая голоса. Он знал, что смег слышит его, Звезднорожденного. – Меня очень тяжело убить.

15

Пути Звезднорожденных

– Меня очень тяжело убить, – улыбнулся Элиен, Звезднорожденный, Белый Кузнец Гаиллириса, правитель Вольного Города Орин, свел народа паттов.

– Все равно нам следовало взять с собой хотя бы пару сотен охраны, – заметил Фор Короткая Кольчуга. – Здесь можно напороться на керков или на бешеную по весне снежную кошку...

– Эх, Фор, Фор... – покачал головой Элиен. – Во-первых, я не хочу, чтобы, завидев моих воинов, керки заорали на пол-Сармонтазары: «Война!» Потому что этому миру довольно войн и воплей о них. А во-вторых, от злой стрелы, выпущенной из засады, тебя не спасет даже тысяча телохранителей. Ну а в рукопашной я, так уж и быть, прикрою твою трусливую задницу.

– Спасибо, свел, – обиженно пробурчал Фор.

– Не за что, – пожал плечами Элиен.

Настроение у него было неважное. Как только всколыхнулась Завеса Хуммера, Элиен почувствовал непреодолимое желание проведать Герфегеста. Наплевать на то, что в их отношениях давно воцарилась тягостная двусмысленность. Пусть Герфегест бросит на него косой взгляд и процедит что-нибудь вроде «Здравствуй, правитель-градостроитель...». Пусть опять заведет мрачный разговор о рыжеволосом Шете. Пусть сделает что угодно – главное, увидеть его целым и невредимым. Побывать несколько дней рядом с ним. Добиться ясности с тем, кто же проник в Сармонтазару из Алустрала и как это ему удалось. Съездить, в конце концов, к Вратам Хуммера. Хорошо хоть пути осталось всего ничего – до заката будем на месте...

Элиен почувствовал присутствие смерти. Смерти было много и смерть была разной. Около жилища Герфегеста прекратили свое существование по меньшей мере десять мужчин, один сгусток подвижной неживой материи и один Сделанный Человек. Для начала неплохо, Хуммер раздери!

Понять, есть ли там что-то живое, Элиен не успел. Потому что, пригнувшись к самой гриве, он уже гнал коня вскачь.

Не важно, что низкие ветви деревьев хлещут по волосам. Не важно, что всю бра- нится Фор за его спиной. Не важно, что конь скорее всего переломает ноги, если на их пути попадется поваленное дерево или валун. Главное – успеть.

На поляне лежал аккуратный ряд трупов в незнакомых доспехах. Элиен соскочил с коня, выхватывая меч Эллата, и страшным голосом Звезднорожденного проорал: «Герфегест! Герфегест! Услышь меня, шлюхин сын!» Никакого ответа.

Подоспевший Фор спешил к самой двери святилища. Он тоже извлек из ножен меч, заглянул внутрь... В этот момент Элиен почувствовал, как в двух шагах от Фор, в святилище, вспыхнула совершенно бездушная, ледяная злоба. В следующее мгновение Фор страшно захрипел и Элиен увидел на его горле что-то, похожее на тонкое шипастое щупальце.

Элиен молниеносно оказался рядом с Фором.

Щупальце принадлежало чудовищному в своих размерах и противоестественности пауку. Или скорее сольпуге. Элиен заметил, что тварь сильно изуродована чьим-то старательным мечом. Но он не стал долго раздумывать над этим. Поющее Оружие очень скоро пропело свою победную песнь над останками твари.

Но Фор был уже мертв.

Смертоносный двойной бич, который рос на нижней поверхности приплюснутой головы паука, разодрал горло Фор во многих местах. Шипы наверняка были напоены ядом.

Элиен бессильно выругался. Он слишком давно не обнажал своего меча. Его душа размягчилась семью годами мира. Мира, который иногда стоит слишком дорого. Фор тоже пошел в уплату за мир.

Элиен сел, привалившись спиной к стене святилища. Сейчас он займется чем надо. Сейчас продолжит искать следы и знаки. Сейчас. Пусть только немного утихнет горечь глупой утраты.

Он ведь чувствовал, что эта тварь мертва. И сейчас он чувствует то же самое! Значит, эту тварь не умертвить. Даже Поющее Оружие не смогло уничтожить ее. Чужая магия. Синий Алустрал. Какой-то там у них Пастырь, какие-то Семь Благородных Домов...

Что он вообще знает об Алустрале? Ничего. Ровным счетом ничего. Кроме того, что через Завесу Хуммера в его мир, в Сармонтазару, пришли чужие люди и чужие вещи. Потому что не бывает таких пауков. Они – чьи-то подвижные вещи. Они принадлежат кому-то. И этот кто-то ему, Элиену, совсем не понравился. Как в свое время не понравился Октанг Урайн – Длань, Уста и Чресла Хуммера.

Глава 2

Прошлое

1

Герфегест не заметил, как у вековых кедров на круче появилась рыжеволосая охотница в кожаных штанах и полотняной куртке.

Он был слишком увлечен своим луком, чтобы беспрестанно оглядывать окрестности. Это было ни к чему – в глуши Хелтанских гор не стоило опасаться дурных гостей. Для дурных гостей существуют долины – плодородные, населенные, изобильные.

Жилище Герфегеста было расположено в стороне от всего, что могло бы заинтересовать тех, кто умышляет злое. Герфегест жил там, где выют свои гнезда белоголовые орлы и ищут себе пропитание маралы. И поэтому появление кого бы то ни было – тем более такой статной молодой охотницы – было событием совершенно невероятным.

Выстроганные из кедра стрелы лежали по левую руку от Герфегеста.

Они были длинны, прочны и ровны. Они ожидали часа, когда хозяин снабдит каждую из них стальным наконечником.

По правую руку от Герфегеста лежало крыло черного кондора – он коварно подстрелил его, еще сонного, на рассвете. Герфегест знал, что лишь стрелы, чье оперение сделано из маховых перьев этой гордой и свирепой птицы, будут в должной степени устойчивы в полете. Конечно, многим воинам хватило бы и голубиных перьев, но Герфегест был из тех, кто знает толк в хорошем оружии.

Девушка, то и дело скрываясь за стволами кедров, спускалась вниз, к остывшим углям костра, подле которых сидел спиной к ней Герфегест.

Она ступала легко и бесшумно, но, присмотревшись, можно было заметить, что ее левая рука закрывает глубокую рану в бедре, из которой сочится кровь. Рваная рана была скрыта под сделанной на скорую руку повязкой, под которой нестерпимо жглась и источала резкий запах кашица из пережеванных второпях целебных побегов. Охотница была бледна, словно осенняя луна. С ней не было охотничьего оружия. Лишь у пояса висел короткий кинжал – таким звероловы перерезают жилы раненым маралам.

Тогда Герфегест еще не знал, что Тайен – так звали охотницу – никогда бы не открылась случайно встреченному на высокогорье человеку. В их деревне верили в оборотней, принимающих человеческий облик, и полагали, что местность, где было расположено жилище Герфегеста, – их излюбленная вотчина.

Она никогда не открылась бы оборотню, если бы не рана. После схватки со снежным котом Хелтан-охотница оказалась слишком далеко от знакомых троп. Раны, нанесенные ей зверем, были слишком глубоки. Ей оставалось одно – заночевать в горах. И она не колеблясь поступила бы так, если бы не твердое осознание того, что без посторонней помощи ее крепкое, но отнюдь не стальное женское тело истечет кровью еще до рассвета.

Погруженный в свое нехитрое ремесло Герфегест приладил приготовленные отрезки перьев к кедровой заготовке, обмотал шелковой нитью их начала и концы и обвил основание стрелы нитью потолще, пропитанной растительным клеем.

Ему вспомнился тот день, когда он впервые смастерил стрелу самостоятельно. Тогда он еще не знал, что оперение для стрелы необходимо вырезать из одного или нескольких перьев, но непременно взятых из одного крыла – левого или правого. Тогда, будучи еще ребенком, он допустил ошибку, которую никогда больше не повторял, – составил оперение

из правого и левого крыльев альбатроса. Разумеется, стрела летела как попало, минуя цель, поскольку перья на левом крыле птицы слегка изгибаются влево, а на правом вправо.

«Сразу видно, что ты никогда не летал», – сказал юному Конгетлару наставник, отпуская беззлобную, но поучительную затрещину. Уста Герфегеста тронула улыбка – из беспорядочной череды мрачных воспоминаний это было одним из самых приятных.

Девушка-охотница не видела его улыбки, хотя приблизилась достаточно – ей по-прежнему была открыта лишь спина Герфегеста. Она уже убедилась в том, что человек, мастерящий стрелы, не оборотень, поскольку за оборотнями такой досуг ее сородичами замечен не был. Но страх все же был велик, и потому она затаилась за камнем, чтобы понаблюдать за незнакомцем еще немного. Она прислонилась к валуну боком, но ее нога неловко скользнула по предательскому камню и на секунду она потеряла равновесие. Рассудок Тайен полоснуло болью и она не смогла сдержать сдавленный стон. Одно из ее ребер было сломано зверем, и обломок кости, растревоженный неловким движением, впился в плоть Тайен, причинив ей новые страдания.

Герфегест насторожился. Теперь у него не было сомнений в том, что он не один на этом горном склоне, но выказать свою осведомленность Герфегест не торопился.

Если это недруг, лучше пускай он до поры до времени держит Герфегеста за простака. Как ни в чем не бывало Герфегест взял полностью законченную стрелу, взвесил ее на указательном пальце и стал внимательно осматривать свое изделие. Не тяжела ли? Правильно ли лег центр тяжести? Схватился ли клей? За видимой беспечностью, однако, теперь скрывалась предельная концентрация. Герфегест обратился в слух, пытаясь понять, откуда именно был донесен ветром сдавленный человеческий стон.

Но Тайен молчала. Она уже не смотрела на Герфегеста. Она сползла на землю и отерла рукой смрадный горячий пот, выступивший на лбу.

Боль ослепила ее и лишила всякого интереса к происходящему. Если бы в этот момент Тайен могла рассуждать, она поняла бы, что обломок ребра впился в печень. На ее губах выступила зеленая пена. Еще немного, и все будет кончено.

Герфегест, смущенный наступившим затишьем, стал подозревать худшее.

Он неспешно приблизился к своему могучему луку, который мирно покоился у ствола лиственницы. Тисовый лук был закончен Герфегестом этим утром. Смола, которой была пропитана тетива, еще не успела как следует просохнуть. Но это было не так уж и важно в свете возможной опасности – просохнуть она может и в деле.

Герфегест вложил в лук свежую стрелу и прицелился, как бы для пробы. Если кто-то действительно наблюдает за ним, затаившись за камнями, он должен видеть, что голыми руками Герфегеста не взять.

Тайен дала себе зарок не обнаруживать себя. Но когда горлом пошла желчь, а глаза заволокла болотно-зеленая пелена, Тайен было уже наплевать на зароки.

Мышцы перестали удерживать ее гибкое тело и она упала, раскинув руки, на застарелую каменистую осыпь, поросшую сизым горным мхом.

Резкий кашель, который нельзя было унять никаким усилием воли, вырвался наружу. Но Тайен уже не слышала его. Она вообще уже ничего не слышала.

С быстротой молнии Герфегест взобрался по склону. Туда, где нашла себе пристанище раненая Тайен. Он увидел перепачканные желчью губы охотницы, судорожно ищущие воздух, слипшиеся от крови волосы, намертво приставшие к ее длинной лебединой шее. И он опустил лук.

«Не умирай, девочка», – прошептал Герфегест в ухо раненой и, бегло осмотрев раны, нанесенные горным котом, бросился вниз, за своим плащом.

Он помнил множество сражений. На его руках отлетела в Святую Землю Грем не одна мужественная душа. Немало раненых было выхвачено Герфегестом из плена смерти. Герфе-

гест прекрасно знал, что тех, у кого переломаны ребра, не стоит носить, закинув на плечо словно подстреленного оленя. Их следует аккуратно оттащить в убежище, положив на кожаный плащ, подбитый медвежьим мехом.

2

Тайен была подвижна, словно ласка, свежа, словно нераспустившийся ирис, и чудо как вынослива. Острота ее взора, ее решительность и ее прямота вызывали восхищение. Неделью кряду Герфегест морил ее целебными настоями, обливал ключевой водой и растирал заговоренной мазью. И все-таки она поправилась ошеломляюще быстро!

Спустя две недели Тайен уже хлопотала по хозяйству.

В конце третьей ее руки обрели былую уверенность, и она, воспользовавшись луком Герфегеста, подстрелила быстроногую кабаргу.

На исходе четвертой недели Тайен объявила, что здорова и намерена возвратиться в свое селение, которое располагалось в долине, в двух полных дневных переходах от святыща, где жил Герфегест.

Герфегест не привык выказывать своих чувств женщине. Даже самой обольстительной, самой искренней. Он лишь сдержанно кивнул, когда узнал о желании Тайен покинуть его.

Разумеется, он взялся сопроводить девушку до родных мест – он не одобрял обычай горцев, отпускающих своих дочерей охотиться в одиночку. Тайен, которую расставание с Герфегестом тоже не радовало, охотно согласилась. Было решено отправиться в путь перед восходом солнца, а потому с началом сумерек и Тайен, и Герфегест, пряча смущенные взгляды, отправились спать.

Но сон не снизошел в ту ночь в жилище Герфегеста. Они слишком нравились друг другу для того, чтобы спать. В ту ночь Герфегесту было суждено познать своенравную охотницу Тайен.

Губы Тайен жадно ласкали хорошо сложенное тело Герфегеста, ее руки дарили нежность, ее легкое дыхание омывало лицо. И ее приязнь была самой щедрой наградой за спасение, которую только получал Герфегест за тридцать пять лет своей многотрудной жизни. А ведь спас он не одну жизнь.

Тайен была искусна в науке любви, и Герфегест не переставал удивляться тому, сколь много изысканных параграфов можно отыскать в неписаной науке любви, что бытует среди замкнутых и диких горцев.

Ласки Тайен были сладки, но не приторны. Они были стремительны и проникновенны.

Глаза Тайен блестели двумя черными жемчужинами.

Кожа Тайен была нежнейшим шелком. В мире не было никого лучше нее. «Никого? – спрашивал себя Герфегест. – Никого», – отвечал он сам себе.

Играя с прядью ее волос, Герфегест с грустью размышлял о том, сколь пусто станет в его обители после того, как Тайен вернется под родной кров. Но настаивать на том, чтобы она осталась, у него... не хватило духу. Что он мог ей предложить? Ледяную воду из ручья и вяленое мясо?

Уже занимался рассвет, когда Герфегест, откинув одеяло из козих шкур, поцеловал белоснежный бок Тайен. Как красива была девушка, подброшенная ему случайной рукой судьбы! Совершенство тела охотницы не смогли нарушить даже два грубых, все еще припухших розовых шрама, оставленных на нем когтями хищного снежного кота.

3

Герфегесту не хотелось гостить в родной деревне Тайен. Мобилизовав всю свою толерантность, он вежливо, но непреклонно отбивался от настойчивых просьб девушки, которыми она донимала его на всем протяжении их утомительного спуска.

С недавних пор общество людей претило Герфегесту. Путь Ветра не таков, чтобы стоило разменивать его на праздную болтовню. Но главное, Герфегест не хотел зла охотнице, чью любовь он изведаль.

Герфегест помнил – нравы хелтанских горцев строги и целомудренны, и что при кажущейся наивности горцы отличаются сметкой и прозорливостью. Самым умным, самым изворотливейшим враньем ему никогда не убедить родных Тайен в том, что они не были близки, прожив более месяца под одной крышей. Он не сможет убедить их, поскольку правду всякий может легко прочесть в глазах Тайен. И в его глазах тоже.

На исходе второго дня из-за отрогов Старого Хребта показалась деревня пастухов и охотников. Герфегест в последний – как ему тогда казалось – раз соединил свои уста с устами охотницы и уже был готов попрощаться с ней, предоставив ей возможность проделать оставшийся путь в одиночестве. Но все случилось иначе.

– Мой господин, – сказала встревоженная Тайен, указывая в сторону деревни. – Там что-то неладно.

Герфегест бросил в сторону, указанную Тайен, пристальный, цепкий взгляд. И в самом деле – что-то неладно.

Ни над одним из домов не вился дымок. Не слышно было собачьего лая – извечного спутника человеческого жилья. Ни одной живой души не было видно в окрестностях. Не мычал скот. Не стучала кузница.

Герфегест ничего не ответил Тайен. Он не хотел пугать ее раньше времени.

Они стали спускаться вниз, ожидая увидеть худшее.

Но увиденное превзошло все их ожидания. Там, где стояла деревня горцев, теперь было пепелище. Полуобгоревшие дома казались брошенными декорациями, призванными напоминать о кровавой драме, которая разыгралась на этом месте несколько дней назад.

Разлагающихся трупов было сравнительно немного. Над большинством уже успели потрудиться крысы, вороны и псы. Видимо, даже животным было трудно оприходовать все даровое мясо. Многие трупы были почти не тронуты. А тех, кого не убили, очевидно, увели в рабство. Так поступали все победители. И эти поступили так же.

Герфегест не знал, кто и зачем превратил деревню в кладбище. Но сути дела это не меняло.

– Это керки убили их! – процедила Тайен сквозь плотно сжатые зубы. Она не смогла сдержать горьких девичьих рыданий. – Мы давно враждуем с ними. Но раньше мы всегда брали верх!!! – всхлипывала Тайен, покрывая поцелуями священный для каждого горца порог отчего дома. Дом был представлен единственной уцелевшей стеной.

В гробовом молчании они возвращались назад в святилище, под защиту статуй-хранительниц. Глаза Тайен были красны от слез. По ночам она металась в тяжелом бреду – ей снова стало хуже. Герфегесту доставало такта не раздражать ее глупыми утешениями. Человеку, потерявшему родных и отчий дом, утешения не помогают. Некогда Герфегесту довелось прочувствовать это на собственной шкуре.

4

Четырнадцать лет назад Конгетлары нашли свою смерть и никто не избег ее. Никто, кроме Герфегеста.

Конгетларов нельзя было победить в честном единоборстве. Против одного Конгетлара другим Домам нужно было выставить по пять своих людей.

После года тайных переговоров и интриг Дома наконец договорились. Это был очень простой договор. «Все против Конгетларов». Ни одного слова больше. Но этих трех слов хватило, чтобы уничтожить Конгетларов.

Истинно Благородных Домов в Алустрале семь. Дом Герфегеста был восьмым. Среди других аристократов Алустрала Конгетлары были отверженными. Уступая в знатности и богатстве Семи Домам, они, однако, не уступали в остальном. Их мечи пели добрую песню, их флот был крепок и силен. Путь Ветра, которым следовали Конгетлары, делал их отважными воинами.

И все же ни один из Семи Домов не держал Конгетларов за равных.

Конгетлары были самыми искусными в науке смерти. На счету Конгетларов было неисчислимое множество заказных убийств. Каждый алустральский дворянин, кутаясь в меха в гостинном зале своего родового замка, не раз подумывал над тем, что скорее всего за его скоропостижной кончиной от сердечного удара или за его неосторожным и роковым шагом на лестнице будет стоять воля Конгетларов. Конгетларов боялись. А свою боязнь скрывали за показным презрением.

Конгетлары никогда не заключали тайных союзов со своими соседями ни против других Домов, ни против Империи. Конгетлары служили всем.

Всем, кто щедро платил. Всем, кто не платил, но нуждался в помощи. Всем, кто не платил и в помощи на первый взгляд не нуждался.

Конгетлары хранили Равновесие – и не более. Такую беспринципность Благородные Дома Синего Алустрала тоже порицали, хотя и пользовались услугами Конгетларов с большой выгодой для себя.

Благородные Дома расквитались с презренными Конгетларами сполна. Но это не принесло Империи мира. Распри, убоицы и войны продолжались. И каждый следующий рассвет в Алустрале был алее предыдущего.

5

Это он учил Герфегеста крушить врагов волчезубым молотом. Это он обучал Герфегеста тому, чем не владел даже его наставник, – осыпать противника непрерывным потоком «стального града». Это он, его дядя Теппурт Конгетлар, руководил движениями Герфегеста, когда тот под его водительством изучал технику бросания «крылатых ножей» – так в Алустрале называли метательное оружие в виде серпообразных стальных лезвий, лишенных рукоятей.

Теппурт был главой Дома Конгетларов. И именно он был уничтожен первым.

Чтобы разделаться с Теппуртом, враги заманили его в столицу на мнимые переговоры, о предмете которых ничего не сообщалось. Дескать, дело слишком важное, чтобы доверять его бумаге.

Когда галера Теппурта подходила к столице Империи, Рему Великолепному, разразился сильный шторм. Корабли предателей Эльм-Оров, поджидавшие галеру в нескольких лигах к северу от столицы, потеряли свою жертву за серой пеленой дождя.

Шторм помешал врагам совершить убийство Теппурта втайне. Теппурта убили повсюду и Синева Алустрала содрогнулась от такого чудовищного попрания Устоев.

Эльм-Оры нагнали корабль Теппурта только в Восточной Гавани. Над морем вставала неожиданная, невиданно цветастая радуга. Теппурт и сорок его телохранителей из лучших ветвей Дома Конгетларов на глазах у всей столицы рубились в жестоком абордажном бою с сотней Эльм-Оров.

Вскоре к галере Теппурта приблизился с правого борта второй файелант и число противников удвоилось. Они сражались, стоя на трупах своих врагов и своих друзей, утопая по щиколотку в крови, выкрикивая проклятия безучастным зрителям на десятках других кораблей и корабликов, которыми полнилась гавань.

Никто не пришел им на помощь – смерти Конгетларов жаждали все. Но даже кровожадные наблюдатели – Хевры, Пелны, Гамелины – не могли сдержать рукоплесканий, когда двадцать уцелевших Конгетларов загнали неприятелей обратно на их файеланты. Какое это было зрелище!

Рукопашная не принесла Эльм-Орам славы и тогда с высоких бортов на Конгетларов обрушились стрелы. Обычные, отравленные и зажигательные.

Теппурта Конгетлара достала отравленная стрела, выпущенная безродным наемником Эльм-Оров, когда тот пытался спастись вплавь с горящего корабля. И еще четыре обычные.

Герфегест часто видел во сне лицо дяди Теппурта – лишенное сентиментальности, решительное, родное.

«Хоть ты и далек от безупречности в искусствах воина, а проживешь долго, мой Герфегест. Ты – само воплощение первопричинного Ветра!» – так говорил дядя, когда у Герфегеста не выходила какая-нибудь тренировочная ерунда – например, защита без оружия от удара «прямой вправо». Или уклонение вниз от ометающего удара алебарды. «И хотя я фехтую лучше тебя, ты наверняка переживешь меня на много лет!»

Тогда Герфегесту очень хотелось и в то же время совершенно не хотелось верить дяде. Он хотел прожить долго, но не хотел увидеть смерть Теппурта. Наверное, идеальным решением было бы умереть с Теппуртом в один день. Но судьба рассудила иначе. Герфегест пережил и Теппурта, и всех остальных Конгетларов.

6

Убийство Теппурта и его дружины послужило сигналом к поголовному истреблению Конгетларов.

События не заставили себя долго ждать. Тем же вечером восемьдесят отборных бойцов, все как один из Дома Хевров, окружили Обитель Ветра. Так называлась стоящая на небольшом острове башня из белого греоверда, где искони проходило посвящение юношей Дома в Искусство Не Оставляющего Следов. В ту проклятую ночь в башне находились лишь наставник Зикра – старейший из Конгетларов – и девять его учеников, самому старшему из которых было пятнадцать лет.

Маленькие долбленные лодки, которые использовали Хевры вместо шумных многовесельных посудин, числом шесть, подошли к бесплодному, лишенному растительности островку далеко за полночь.

Хевры отказались от весел и гребли при помощи «собачьих плавников», сплетенных из молодой ивовой лозы. «Плавники» все время находились под водой и не создавали шума. Проигрывая в скорости, Хевры рассчитывали выиграть внезапностью.

Но обмануть девятилетнего Зикру Конгетлара было непросто.

Он был опытным воином. О его наблюдательности ходили легенды. Как ни старались Хевры подобраться незамеченными, им это не удалось.

Черные чайки, во множестве ютившиеся в скалах, оглашали своими сварливыми выкриками воздух над Обителью Ветра. В ту ночь Зикра скоро различил в хриплом мяукании птиц нечто новое, не похожее на обычные споры за пищу.

Крики чаек предвосхищали близкую смерть больших двуногих птиц без перьев. И Зикра это понял.

«К бойницам, мальчики. Сейчас посмотрим, кто чему выучился», – как ни в чем не бывало сказал он.

Юные Конгетлары – отпрыски самых знатных ветвей Дома – не растерялись. Лодки Хевров были встречены стрелами десяти луков. Нападающие поняли, что лишились внезапно и их всех ждет смерть в тихоходных лодках. Тогда Хевры бросились вплавь.

На берег выбрались лишь шестьдесят три человека. Но и этого было много. Хевры рассыпались среди скал и камней. Теперь они могли подбираться к Обители Ветра короткими перебежками. Неспешно, но безнаказанно.

Впрочем, не вполне безнаказанно. Когда зоркие глаза Не Оставляющих Следов в неярком звездном свечении замечали серую фигуру, скользящую между камней, в нее сразу же устремлялись стрелы. То и дело стылый ночной воздух над Обителью Ветра оглашался коротким предсмертным хрипом.

Увы, это не могло продолжаться вечно. Защитниками башни были всего лишь не бредущие усов мальчишки. Неумолимо приближался рассвет. Стрелы, равно как и «крылатые ножи», подходили к концу. Хевры были уже совсем близко и готовились к решительному броску.

Подвалы Обители Ветра сообщались с морем посредством глубокого колодца. Нырнуть в этот колодец, предварительно набрав полные легкие воздуха, значило вынырнуть в одном из гротов на западной оконечности острова.

Само по себе это не сулило спасения – лишь слабую надежду. Но это было лучше, чем ничего.

«В колодец! – скомандовал не по годам свирепым мальчикам Зикра. – Если повезет, вам удастся выгребсти к соседнему острову. Там есть лодка, на которой можно будет бежать в Наг-Туоль».

Перепуганные Конгетлары повиновались. Неповиновение учителю было равносильно отказу от Пути Ветра и предательству своего Дома. А это было хуже смерти.

Сам Зикра нырять не стал. Он знал, что из девяти нырнувших в колодец с соленой ледяной водой до грота доберется не более трех – поставленная Зикрой задача была по силам лишь очень опытному ныряльщику. А из этих трех лишь одному, быть может, хватит сил доплыть до соседнего островка. Но даже ради спасения этого одного имело смысл сражаться.

Собрав в кулак всю свою волю, Зикра остался у входа на лестницу, которая вела вниз, к колодцу.

Он встретил свою смерть от двуручного боевого топора, так и не узнав, что последний из его питомцев был зарублен старшиной отряда Хевров на каменистом берегу соседнего острова, носящего имя Плачущие Скалы.

7

«Нож – император среди оружия, послушного Ветру. Стрела – императрица. Крылатые когти, стальные перья, семиколенчатые плети – их вассалы. Ты же, Герфегест, утренняя звезда над ними. Ты – Намарн. Ибо только Намарну повинуются и императоры, и их вассалы».

Так учил Герфегеста Зикра Конгетлар в те времена, когда Обитель Ветра еще не стала домом черных чаек и ползучих гадов. Теперь в большом зале для упражнений растет трава.

Сколько раз этот зал, в центре которого восседал на ясеновой лавке седобородый Зикра, являлся во снах Герфегесту? Тысячу раз? Две тысячи раз?

У Зикры было трое сыновей, и все они погибли. У Зикры было трое внуков, но лишь двое из них дожили до тридцати. Первый – Лака Конгетлар – был правой рукой главы Дома, Тепшурта Конгетлара.

Герфегест, а с ним и все остальные родственники считали его самым искусным воином Дома. Лучшим стратегом Дома. Мозгом Дома.

Меч был послушен его руке словно указательный палец. Дротик, брошенный Лакой, поражал в глаз саламандру, ползущую по стволу лиственницы, со ста шагов. Герб Конгетларов – серебряный горностаив в белом поле – сиял на его щите символом всех мыслимых доблестей. Доблестей, к которым стремился Герфегест – молодой и дерзкий, словно выскокивший из костра уголь.

Лака Конгетлар был искуснейшим воином, но перед смертью ему не случилось встретиться с врагом один на один и обагрить свой клинок кровью неприятеля.

Его смерть Герфегест видел собственными глазами.

Небольшой отряд, который возглавлял Лака Конгетлар, состоял из двенадцати человек, в числе которых был и двадцатилетний Герфегест. В этот раз они служили Дому Пелнов, не подозревая о том, что эти же самые Пелны состоят в тайном сговоре с остальными Домами и рука об руку с ними готовятся к расправе над Конгетларами.

Дело было сравнительно простым. Конгетларам предстояло уничтожить охрану правителя Суверенной Земли Сикк, взять живьем самого правителя и доставить его главе Дома Пелнов.

Суверенная Земля Сикк имела весьма громкое название, но на деле представляла собой сравнительно небольшой остров – один из многих островов Алустрала, – где были расположены несколько зажиточных рыбацких деревень. Помимо рыбы и креветок там промышляли розовый жемчуг.

Пелны обвиняли правителя Земли Сикк, своего вассала, в том, что он потворствует пиратам и предоставляет им убежище. Доказательств, впрочем, не было никаких, а дань, и немалую, Суверенная Земля платила исправно. Поэтому сами Пелны не решались расправиться со своим вассалом из опасений перед недовольством императора.

Конгетлары быстро перебили немногочисленную охрану, захватили дом правителя, но самого правителя не нашли. Под пыткой самая младшая из его жен призналась, что Нисоред отшельничает в Поясе Усопших. Дескать, вот уже больше года, как он, покинув семью, бесследно растворился в морских туманах на востоке. Теперь, мол, Нисоред якшается с морскими гадами, размышляет в одиночестве и укрощает духов, которые, как известно, кишмя кишат в Поясе Усопших.

Лака Конгетлар не боялся ничего. Не боялся он и духов, а потому принял решение следовать в Пояс Усопших, дабы во что бы то ни стало выполнить уговор, связавший его с Домом Пелнов.

И хотя за доставку Нисореда Сиккского Дом Пелнов должен был передать Дому Конгетларов два крошечных острова Туальского архипелага, вокруг которых уже долго клубились земельные тяжбы, это не было основной причиной решимости Лаки преследовать жертву. Даже если бы Конгетларам не причиталось ничего, они все равно отправились бы в Пояс Усопших, чтобы в очередной раз оправдать славу самых бесшабашных воинов Алустрала. Любое дело благородных Синего Алустрала – дело чести.

Они искали Нисореда и не сомневались в успехе своих поисков.

Порукой их успеха были бесстрашие и неколебимость всех воинов отряда. Волосы ходили ходуном на голове Герфегеста, когда он слышал, как по лагерю нахально расхаживает некто, пожелавший остаться невидимым. Гость переворачивал бурдюки с протухшей пресной водой, любознательно осматривал оружие у изголовий спящих, смеялся и покашливал. Но ни Герфегест, ни остальные не настаивали на том, чтобы прекратить поиски Нисореда. Ибо это было равносильно бесчестию.

Наконец Нисоред был найден в Старом Порту Калладир.

Он сидел, подогнув колени, посреди рыночной площади. Его черная борода с редкой проседью была желта от глиняной пыли. Он казался очень сосредоточенным. Вокруг него были разложены фишки для игры в нарк, а прямо перед его глазами был составлен странный узор из счетных палочек.

Нисоред медленно поднял свою иссушенную аскезой руку и взял одну из палочек, чтобы переложить ее на новое, подлинно правильное место. Но сделать это ему было не суждено.

Тонкая игла, напоенная кровью сон-рыбы, впилась Нисореду в шею. Лака Конгетлар поцеловал свою счастливую духовую трубку – он никогда не забывал выразить признательность оружию.

Вскоре Нисоред был связан «паутиной Конгетларов». Лагерь свернут, а маленькое парусное судно приготовлено к отплытию.

Когда Конгетлары, веселясь и балагурия, пили традиционную Чару Победы, они заметили парус у входа в гавань. Это было более чем странно – Старый Порт Калладир огибали десятой дорогой все благоразумные кормчие.

Герб, которым был украшен парус приближающегося судна, был узнан. Но никто из Конгетларов не проронил ни слова.

Серебряный горностаив в белом поле. Герб Конгетларов. Это означало, что произошло нечто непредвиденное.

8

– Они убили Теппурта и его людей три недели назад, – сказал Вада, чьи некогда правильные черты лица были теперь изуродованы свежими шрамами до неузнаваемости. Одна бровь полностью срезана. Нос разорван. Левый глаз был похож на красный рыбий пузырь.

Лака Конгетлар молча кивнул. Идущий Путем Ветра принимает утраты с достоинством.

Вада был силен духом, но даже его лицо исказилось гримасой скорби, когда он вынул из кожаной мошны, висящей у его узорчатого пояса, перстень главы Дома Конгетларов.

Алмаз, оправленный в серебро. Символ власти Дома.

Вада ни словом не обмолвился о том, что за этот перстень заплачено жизнями шестерых Конгетларов, не говоря уже о несчетных жизнях Эльм-Оров. Вада не стал рассказывать, сколь многое совершил он, чтобы вернуть перстень, снятый воинами Эльм-Оров с пронзенного стрелой Теппурта и передать его, как велела освященная веками традиция, новому главе Дома Конгетларов, которым теперь стал Лака.

Безмолвный бледный Лака принял перстень. Конгетлары склонили головы. Лаконичный ритуал передачи был свершен и отныне судьбы Конгетларов пребывали в руках Лаки.

– Продолжай, Вада.

– Две недели назад они сожгли Наг-Туоль. Мы не смогли выдержать осаду. Наш флот уничтожен. – Голос Вады, столь любезный дамам всех Семи Домов, был тверд, словно ледяные скалы над Бездной Края Мира.

Молчание – лучше никчемных слов. Но даже сдержанность Лаки Конгетлара имела свои границы.

– Что случилось с женщинами? – спросил Лака, отец трех дочерей.

– Они дали им яд, – соврал Вада. – Известно ведь, что из Конгетларов выходят справедливые господа и плохие рабы и уж совсем никуда не годные рабыни. Они не взяли их.

Навряд ли Лака предпочитал, чтобы его дочери стали рабынями в императорских женских покоех. Но их смерть, пожалуй, была для него еще меньшим утешением.

На какое-то время Герфегест перестал слушать Ваду. Непрошенные слезы застили его глаза – известие о падении Наг-Туоля было известием о смерти его подруги, тринадцатилетней лилии с медового цвета кудрями. Не одну ночь провел Герфегест в замке Наг-Туоль, но каждую проведенную ночь в Наг-Туоле он вспоминал с замиранием сердца, трепеща в объятиях своей юной возлюбленной.

Она отдавалась Герфегесту с искренностью и безответностью юности, оставив без внимания людскую молву. Герфегест платил ей любовью за любовь, но теперь, похоже...

– ...Обитель Ветра пуста и Зикра Конгетлар мертв. Они не сдались живыми.

Двоюродный дядя Герфегеста опустил голову на руки, но ни одним звуком не выдал своего отчаяния. Среди питомцев мастера Зикры был его единственный сын.

– У нашего Дома нет будущего. – Каждое слово Вады было тяжелее молота. – У нашего Дома нет настоящего. Наши земли захвачены.

Вада умолчал о том, что его замок – второй по величине замок рода Конгетларов – утоплен в крови. Что он сам предпочел спасение смерти лишь потому, что долг чести велел ему поставить в известность о происходящем последних Конгетларов. А еще потому, что вассальный долг велел ему свершить ритуал передачи серебряного перстня с алмазом.

Вада был единственным Конгетларом, кто знал местопребывание отряда Лаки. Именно поэтому он приплыл в Пояс Усопших. И теперь Лаке, который после смерти Теппурта стал главой Дома Конгетларов, предстояло решить, что будет дальше и будет ли что-нибудь вообще.

Никто не решался говорить, пока не возвысит голос новый глава Дома – Лака Конгетлар.

Герфегест закрыл глаза. Медововласая возлюбленная звала Герфегеста из небытия. Наставник Зикра звал его. Пепел родителей звал его.

Наконец на заброшенной пристани зазвучал голос Лаки:

– Все имеет свое начало и свой конец. Роду и Дому Конгетларов положен предел. Против нас – Намарн, император и Синева Алустрала. Против нас весь мир. Мы можем мстить, но нам не отомстить всему миру.

Лака Конгетлар перевел дыхание. Все члены отряда, а с ними и Вада, смотрели на него, не отводя глаз. Герфегест гадал о том, куда клонит Лака.

– Сейчас мы в относительной безопасности. Нас не скоро обнаружат здесь. Мы можем уйти в глубь Пояса Усопших и умереть там – завтра, через месяц, через десятилетие. Но если мы поступим так, мы перестанем быть Конгетларами. Наше жалкое существование будет хуже смерти.

Лака обвел всех цепким, пронизательным взглядом. В глазах родичей он видел согласие. Лака продолжал:

– Мы можем покинуть Пояс Усопших, рассыпаться по миру и попытаться выжить. Нас будут находить поодиночке и убивать как бешеных псов. Прежде чем умереть, мы будем убивать так, как научил нас Путь Ветра. Но если мы поступим так, мы тоже перестанем быть Конгетларами. Потому что высшая доблесть Конгетларов – оберегать Равновесие, а не кровавить клинки ради спасения собственной шкуры.

Герфегест сглотнул воздух, в котором, казалось, уже витало смрадное дыхание смерти.

– Нам остается только уйти. Уйти как Конгетларам, – сказал наконец Лака и извлек из ножен кинжал.

Никто не возразил Лаке, на указательном пальце которого зловеще блистал алмаз.

Чтобы уйти, воины Дома Конгетларов не принимают яд – это удел трусов из Дома Эльм-Оров. Чтобы уйти, Конгетларам не нужно перекусывать языки – это привилегия сумасшедших из Дома Пелнов. Укус кинжала – и пульсирующий поток жизни с левой стороны шеи выходит из берегов навсегда. Так уходят Конгетлары, направляясь в Святую Землю Грем.

9

Перед тем как расстаться навсегда, Конгетлары обнялись.

Затем они сели в круг.

Некогда Герфегест слышал от Зикры, как должны происходить такие вещи. Но одно дело слышать, а совсем другое – принимать в них непосредственное участие.

Почти одновременно, не сговариваясь, Конгетлары извлекли из ножен свои кинжалы, последовав примеру Лаки. Почти одновременно, сомкнув пальцы мертвой хваткой на рукоятках, поднесли лезвия клинков к шеям.

Все они были гладко выбриты – лишь Конгетлары, достигшие шестидесятилетнего возраста, получали право выбросить вон бритвенные принадлежности и отпустить такую же длинную и седую бороду, как у Зикры. Герфегест, самый младший среди собравшихся, краем глаза наблюдал за остальными и повторял их движения, толком не осознавая, что произойдет через несколько бесконечных мгновений. По его спине струйкой стекал пот.

Конгетлары закрыли глаза. Еще немного – и объятия вечности распахнутся для них.

Почти одновременно двенадцать кинжалов извели плоти и фонтаны алой крови залили растрескавшиеся плиты пристани. Даже солнце, казалось, не в силах было смотреть на это – густое темное облако пришло из глубин Пояса Усопших и заволочло полнеба. И только тринадцатый кинжал медлил.

Это был кинжал Герфегеста.

Герфегеста раздирала чудовищная внутренняя борьба. Ему безумно хотелось жить. И хотя он не боялся смерти – таков был один из четырех даров Пути Ветра, – он не хотел ее, мучительно не хотел ее. Герфегест был достаточно умен, чтобы понимать: одно – смерть – навсегда исключает многое.

Первым упал Лака Конгетлар. Теплая кровь залила его лицо и походную одежду. Вторым беззвучно повалился на спину Вада. За ним приняли смерть остальные.

Между отточенной кромкой кинжала и шеей Герфегеста оставался ничтожно малый зазор. Этот зазор – пограничная черта между жизнью и смертью. Но эту черту Герфегесту все никак не хватало мужества переступить!

Он снова вспомнил о своей возлюбленной – девушке с медовыми волосами, отравленной лазоревым аконитом – самым благородным из дорогих и действенных ядов Синего Алустрала. О своих родителях, сгоревших заживо в бастионах Наг-Туоля. Навряд ли им пришлась бы по душе смерть Герфегеста. Навряд ли, впрочем, они одобрили бы и его нерешительность.

Колеблемый сомнениями, Герфегест сидел, не открывая глаз, стараясь отрешиться от происходящего вокруг. Ему мучительно не хотелось слышать хрип умирающих Конгетларов, осязая теплоту их крови!

Герфегест медлил. Наконец последний Конгетлар – а это был красавец Вада – затих. Некому теперь было зреть позор Герфегеста, не решившегося свести счеты с жизнью, подставив свою шею под поцелуй кинжала.

Онемевшая рука Герфегеста опустилась на колено и клинок выпал из его разжатых пальцев. Герфегест открыл глаза.

10

«Если ты победил врага и оставил стоять его дом, значит, ты напрасно тратил время», – говорила пословица, имевшая хождение среди Орнумхониоров. Именно Орнумхониоры настояли на том, чтобы осадить Наг-Туоль и сокрушить главную твердыню Конгетларов.

Орнумхониоры снарядили флот и пять тысяч воинов. Орнумхониоры склонили к походу авантюристов из других Домов. Орнумхониоры заплатили всем, кто только был в состоянии отличить алебарду от оглобли, лишь бы только их войско выглядело несметным, а флот – необоримым.

Взять Наг-Туоль было непросто. Конгетлары мужественно сопротивлялись, уполовинив силы нападавших. Среди Конгетларов не было предателей и никто не открыл ворота перед врагами.

Среди Конгетларов не нашлось трусов. Поэтому город был сожжен лишь после того, как последний мужчина Конгетларов выронил оружие из холодеющих пальцев. Все, кто остался – а это были женщины и старики, – предпочли позорному плену Последний Глоток. Они приняли яд и Дом Конгетларов окончил свое существование.

Император спустился на пристань Наг-Туоля с борта своего громадного файеланта «Голубой Полумесец», когда все было кончено.

Один за другим главы Домов отчитались перед ним в своих потерях. Потери были огромны. Ничего подобного в истории Синего Алустрала не случилось.

Император, наклонившись к уху своего советника, в сердцах сказал: «Если Конгетлары и впрямь хотели подорвать могущество Империи, они своего добились». Никто, кроме советника, не слышал этих слов. Но любой солдат, любой вельможа, глядя на остатки воинства Семи Домов, думал о том же самом.

Умные головы говорили потом, что именно с падением Дома Конгетларов начался закат Империи Алустрал.

11

Мир и все в этом мире было прежним. За одним лишь только уточнением. Мир стал красным. Все, что прежде было безграничным многоцветием красок, теперь ушло в оттенки алого, багрового, малинового, розового, пунцового, вишневого.

Этот мир был окрашен кровью Конгетларов и сам Герфегест был красен от темени до пят. Так бывает, когда тебя застает в пути июльский ливень и на твоём теле, на твоей дорожной одежде нельзя сыскать ни одного сухого места. Герфегест тоже попал под ливень. Своего рода ливень, изливающийся не из туч – из вскрытых артерий Конгетларов.

Конгетлары были мертвы. Их бездыханные тела уже не создавали священного круга, как то было совсем недавно. Тела, покинутые отважными душами, лежали раскоряченные, нескладные, отвратительные.

«Прощай, Лака Конгетлар, хозяин крылатой секиры. Прощай, Вада, любезный всем женщинам Империи. Прощай, Мантегест. Прощай и ты, двоюродный дядя Спинар. Трус и предатель Герфегест остается по эту сторону, в мире форм и изменений», – сказал Герфегест и отвернулся.

Перед его взором раскинулось море. Оно не было красно. Оно лежало колышущимся серым полотном и ему было безразлично все, что происходит на суше. Зрелище перекачивающихся волн слегка отрезвило Герфегеста.

В самом деле, помимо Дома, Пути Ветра и родовой чести есть еще кое-что, что не следует сбрасывать со счетов. Есть жизнь.

Простояв в неподвижности еще некоторое время, Герфегест набрался храбрости снова обратить свой взор к убитым. Разумеется, он похоронит их достойно.

Когда нерешительность уступила место твердости, Герфегест снял с указательного пальца Лаки Конгетлара Белый Перстень. Серебро с чеканными фигурами бегущих горностаев – таких же горностаев, как тот, что украшает герб Дома. Алмаз ответил ему тусклым отблеском из самых глубин своего совершенства.

«Если я собираюсь жить среди людей, мне не стоит носить его, – размышлял Герфегест, – ибо в этом случае я проживу немногим дольше Вады и остальных». Герфегест примерил перстень, пришедшийся как раз впору. Затем снял его.

Он не доверял ни карманам, ни кошелькам, ни тайникам в обычном смысле этого слова. Нужно было изобрести что-то более надежное.

В одном из походных тюков он отыскал крепкую шелковую нить и иглу. Затем он обнажил свое правое бедро, сделал кинжалом глубокий надрез в самом мягком, а значит, безопасном месте, вложил в рану перстень и, стиснув зубы, ибо боль была невероятной, зашил рану иглой.

Его пальцы не были привычны к такому делу и стежки легли неровно. Края раны, вкривь и вкось сошедшиеся друг с другом, немилосердно кровоточили. И все-таки дело было сделано. Пока он, Герфегест, жив, Белый Перстень не покинет его и благословение стертого с лица земли Дома пребудет с ним.

После этого Герфегест омыл свежую рану целебным настоем и, примостившись в одном из укромных закутков пристани, задремал.

Так Герфегест стал главой Павшего Дома Конгетларов.

12

Рассвет в Поясе Усопших. Он был совсем не таким, как повсюду в Алустрале. Не то чтобы солнце было иным. Но когда оно вставало над горизонтом, диск его казался не ярко-малиновым и не красным, но сиреневым и фиолетовым.

Быть может, тучи губительной пыли были этому виной. Быть может, удушливые испарения заброшенных городов. Ландшафт был исполнен мрачного величия и жути: фиолетовое солнце над свинцовой громадой моря.

Зловещий солнечный диск, показавшийся из-за холмов, был первым, что открылось взору Герфегеста, очнувшегося от тяжелого сна на пристани.

Рана в бедре, где теперь был надежно упрятан Белый Перстень, ныла и сочилась сукровицей. Голова гудела. Во рту стояла горечь. Перед мысленным взором Герфегеста пронеслись картины ушедшего дня: тринадцать кинжалов, алчущих крови своих владельцев; фонтан алой крови, бьющий из горла его двоюродного дяди; малодушие, стыд, жажда жизни.

Герфегест сел, обхватив колени руками, и зажмурился – как будто это могло помочь ему усмирить воспоминания, которыми, словно ударами бича, награждал его воспаленный мозг.

Как вдруг он услышал песню. В первый момент он привычно отмахнулся от услышанного – в Поясе Усопших слух морочили самые разные, самые необъяснимые звуки.

Герфегест успел свыкнуться с тем, что, услышав блеяние барана, можно не торопиться бежать на поиски приبلудной животины. В лучшем случае рискуешь найти полый, выбеленный солнцем и ветром рог. В худшем – сложишь свои кости рядом с какой-нибудь безумной статуей бараноголовой черепахи.

Крик о помощи вовсе не означал, что кто-то нуждается в ней. Скрип телеги, донесенный ветром, плач ребенка, гром – все это было иллюзиями, на которые Пояс Усопших был весьма щедр.

Но в этот раз что-то подсказывало Герфегесту, что он слышит подлинные звуки подлинной песни.

Спустя некоторое время он сообразил, что песня принадлежит злосчастному приютителю пиратов, чернокнижнику и заклинателю морских гадов Нисореду. Правителю Суверенной Земли Сикк. Человеку, ради которого-то Конгетлары и отправились в эти гибельные места. Человеку, о котором они напрочь забыли в тот самый момент, когда на горизонте показался корабль с гербом Дома Конгетларов.

Воин, прими от меня
В дар за улады ночные
Лучший недуг, чем вино, —
Жизни пьянящий сосуд.

Это были всем знакомые слова стародавней песни.

Герфегест слышал ее в детстве и никогда не мог понять, отчего жизнь называется «пьянящим сосудом»? И отчего она «лучший недуг», чем вино? И отчего жизнь вообще «недуг»? И что это еще за «улады ночные»?

Когда ему исполнилось двадцать, Герфегест уже знал ответ на последний вопрос. И лишь прошедшей ночью последний уцелевший Конгетлар понял, что жизнь и впрямь может быть страшным недугом. Хворью более зубастой, чем проказа, более мучительной, чем оспа. Потому что жизнь – это совесть.

Голос у Нисореда был на удивление неплохим. На удивление – поскольку Нисоред со вчерашнего утра лежал, отирая животом холодный пол в одном из портовых строений с проломленной крышей, дожидаясь, когда его, словно бурдюк, отнесут на корабль и бросят в трюм. Он был добычей, а с добычей Конгетлары церемониться не привыкли.

Едва ли Нисоред смог выскользнуть из веревок – Конгетлары использовали свой собственный способ обездвигивать жертву. Сначала легкая, но очень прочная веревка из конского волоса обвязывалась вокруг больших пальцев рук, заломленных за спину и скрещенных весьма противоестественным образом. Затем она, подпоясав жертву, связывала намертво большие пальцы ног. Человек, связанный таким образом, мог лежать только на животе. Пытаясь высвободиться, он лишь затягивал путы и доставлял себе лишние мучения.

Ходили слухи, что несколькими удальцам из Дома Хевров удавалось высвободиться из «паутины Конгетларов», но на то они и Хевры. Танец Тростника, одно из Младших Искусств Алустрала, сообщал их телам податливость и нечеловеческую гибкость, позволявшую им делать то, что недоступно всем остальным.

Кстати, в смысле политической гибкости Хевры тоже не знали себе равных. Оно и понятно – Свен-Илиарм, их вотчинный остров, находился в самом центре Империи. Именно на нем была расположена столица Алустрала. Именно земли Хевров окружали императорскую резиденцию. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но Нисоред не был Хевром. Поэтому Герфегест, влекомый отчасти состраданием, а отчасти любопытством, опрометью бросился туда, откуда доносилась песня.

Нет, Нисоред не был Хевром. И все-таки ему удалось освободиться от пут! Причем, судя по всему, не только что! Как и вчера, вокруг отшельника были разложены фигуры для игры в нарк. Как и вчера, перед ним был непонятный рисунок, выложенный из палочек.

Живые подвижные глаза Нисореда с любопытством воззрились на ошалевшего Герфегеста.

Еще по пути в разрушенное строение Герфегест принял решение отпустить пленника. Путь Ветра запрещал бессмысленные убийства. А продолжать действовать по намеченному плану и исполнять обещание, данное Пелнам, было в высшей степени бессмысленно.

Но Нисоред явно перещеголял Герфегеста великодушием. Он освободился сам и, похоже, мог спокойно отправить Герфегеста вслед за остальными Конгетларами, пока тот спал.

– Я все слышал и я все видел, – сказал Нисоред, упреждая вопросы Герфегеста. – Думаю, что новый глава Дома Конгетларов не станет убивать скромного искателя истины. Или все-таки станет?

«Не станет убивать... глава Дома Конгетларов...» Польщенный Герфегест, не изменившись в лице, вложил меч в ножны и скрестил руки на груди в знак мира. Нисоред был первым человеком, поприветствовавшим нового Хозяина Проклятого Дома.

– Мы не враги больше, Нисоред. И я не причиню тебе вреда. Наши дороги отныне расходятся. Но если хочешь, я могу отвезти тебя назад в Суверенную Землю Сикк. Вдвоем мы, пожалуй, сможем управиться и с парусом, и с кормовым веслом.

– Я признателен тебе, молодой глава Дома Конгетларов. Ты человек долга и, не сомневаюсь, человек слова. Но я не выйду в море. И не советую тебе подыматься на борт одного из двух ваших кораблей.

Сдержанно и в то же время вопрошающе Герфегест пожал плечами. Почему бы и нет?

– Старый Порт Калладир – очень дурное место. Оба корабля не доживут до заката следующего дня. Им суждено стать пищей Густой Воды. Я вижу это так же отчетливо, как видел кинжал, поднесенный к пульсирующей дорожке жизни у шеи жестокого Лаки Конгетлара. Ты можешь не верить мне. Ты волен поступать, как сочтешь нужным. Но даже если я ошибаюсь, тебе все равно не сойти на сушу, ибо четыре файеланта, пустившиеся в погоню за Вадой Красивым, будут здесь, когда на землю сойдут сумерки.

Сдержанность впервые изменила Герфегесту за прошедшие два дня. Он смутился и потупил взор. Он чувствовал себя самой никчемной тварью на земле. И при этом самой несчастной тварью!

– Что же мне делать, Нисоред? – спросил Герфегест дрожащим голосом. Глядя в блестящие, умные глаза отшельника, он чувствовал себя сопливым мальчишкой, а не главой Дома.

Удивленному Герфегесту ответила торжествующая улыбка Нисореда. Владелец Суверенной Земли Сикк обвел широким жестом свои загадочные построения из палочек и фигур нарка.

– Для этого я здесь, – сказал Нисоред и замолчал, словно бы этим было сказано все.

Герфегест, привыкший к точным словам, без которых была невозможна жестокая жизнь Идущего Путем Ветра, нетерпеливо щелкнул пальцами. Ему было не до шуток.

– Загадки всегда оставляли меня равнодушным, – сказал он холодно. – Говори больше или...

– ...Или ты убьешь меня. – Нисоред недовольно поджал губы. – Из твоего терпения, молодой Конгетлар, сельха не сварить. А я вот, между прочим, терпеливо дожидался, пока ты соизволишь проснуться и внять моему пению.

– Извини. – Герфегест почувствовал неловкость. – Я готов ждать твоего совета хоть до Третьего Вздоха Хуммера.

– Так хорошо, – удовлетворенно кивнул головой Нисоред. – Третий Вдох Хуммера скоро наступит, а поэтому считай, что ты уже дождался.

– Это может показаться смешным в нашем безумствующем ми-ре, – продолжал Нисоред, – но вся моя жизнь прошла под знаком исканий истины. Можно сказать проще: я был очень и очень любопытен. В детстве я расчленял рыб, чтобы понять, отчего они безмолв-

ствуют, в отрочестве – лазил девкам под юбки, чтобы разузнать, откуда я такой большой взялся. Любопытство заставляло меня вчитываться в древние рукописи, любопытство привело меня в Пояс Усопших. Я искал здесь Мед Вечности. Вчера ваша глупая игла помешала мне завершить размышления. Поэтому я освободился от пут и прошел путем знания до конца.

Герфегест удивленно вскинул брови.

– Ты нашел Мед Вечности?

– Нет. В конце пути меня ожидал тупик. А в нем – новое и страшное знание, которое не имеет ничего общего с Медом Вечности. Я искал розу, а нашел змею. И имя ей – Семя Ветра.

– Семя Ветра? – Смутные, чужие воспоминания тусклой свечой озарили рассудок Герфегеста.

– Да, Семя Ветра, по преданию завещанное Дому Конгетларов самим Лишенным Значений. Вот уже многие века никто не верит в него. Но теперь я точно знаю, что Семя Ветра существует. Оно затеряно где-то на просторах Сармонтазары, по ту сторону Хелтанских гор. Мне не удалось постичь силу Семени Ветра. Но я знаю, что в дурных руках эта сила способна вывернуть наизнанку и извратить весь мир. А в надежных руках Конгетлара Семя Ветра может умиротворить Алустрал и вернуть величие имени твоего Дома.

Герфегест вспомнил. Зикра Конгетлар – он был жив еще совсем недавно! – что-то говорил о Семени Ветра. Что, дескать, придет время... В глазах Герфегеста блеснула надежда. И тотчас угасла.

– Ты сказал, что Семя Ветра – в Сармонтазаре. Но ведь Мир Суши отрезан от Алустрала Завесой Хуммера и никому из живущих не дано преодолеть ее живым. Значит, твои слова пусты.

– Нет, молодой Конгетлар. Мои слова полны надежды и смертельной опасности. Надежды – потому что отныне я, Нисоред Сиккский, знаю слова, открывающие Врата Хуммера для живущих. Опасности – потому что нет людей, которым удалось бы пересечь Пояс Усопших и достичь западных отрогов Хелтанских гор. Опасности, ибо моих слов достаточно, чтобы отворить Врата Хуммера, но их мало, чтобы сохранить твою память в неприкосновенности. Опасности, ибо тот, кто обрел Семя Ветра – пусть он даже тысячу раз Конгетлар, – может с легкостью стать жертвой собственного могущества.

Нисоред провел ладонью по лбу, на котором выступили крохотные капли пота, и продолжал:

– Но у тебя нет другого выбора, молодой Конгетлар. Существует лишь одна дорога, пройдя по которой ты сможешь по меньшей мере прожить долгую жизнь.

– Что значит «по меньшей мере»?

– Это значит, что если тебе повезет, ты сможешь достичь большего, чем достиг твой дядя Теппурт Конгетлар. И чем любой другой из живущих в Синем Алустрале.

– Ты сказал, что Врата Хуммера отнимут мою память. Правильно ли я понял тебя?

– Да.

– Это значит, что я забуду все, что видел и слышал в Синем Алустрале?

– Да.

– В том числе и заклинание, открывающее Врата Хуммера?

– Да.

– Значит, я не смогу вернуться назад?

– Этого я не знаю. Но если тебе все-таки удастся вернуться в Синий Алустрал и принести Семя Ветра, я первым поцелую пыль под твоими ногами.

Герфегест мучительно пытался осмыслить услышанное. Сотни вопросов дробили его рассудок, но он похоронил их в молчании. Вместе с Нисоредом они предали тела Конгетларов земле и подожгли осиротевшие корабли.

Глава 3

Пояс усопших

1

Та ночь показалась и Тайен, и Герфегесту несправедливо короткой. Так всегда бывает, когда происходит что-то бесконечно приятное. Осиротевшая Тайен и обретший верного друга Герфегест любили друг друга, не зная ни усталости, ни пресыщения. Когда их руки снова сплелись в объятии, а их тела, обессиленные любовной схваткой, успокоились на грубом ложе, укрытом шкурами, Тайен, одарив Герфегеста страстным поцелуем, сказала:

– Мой господин, ты нежен словно слепой дождь в летний полдень. Ты искусен в любви, ты красив словно ожившая статуя бога. Ты умен и силен. Скажи мне, Герфегест, что ты делаешь в этой глуши? Неужели твое сердце не жаждет большего?

Герфегест растерянно улыбнулся. Неожиданный вопрос Тайен кинжалом ввинтился в его израненную память. Воспоминания нахлынули непрошеным потоком в их уединенное святилище, и ему ничего не оставалось, кроме как приоткрыть им навстречу врата своей души.

– Все, даже самое хорошее, рано или поздно надоедает. И подвиги, и слава, и память о них.

Тайен приподнялась на локте. Глаза ее блестели, а дыхание участилось.

– В точности такие слова говорил мой отец, – задумчиво сказала Тайен.

– В этом нет ничего удивительного. Это первые строки из поэмы Юмиохума Ремского, – рассеянно бросил Герфегест; спустя мгновение он приподнялся на локте, потрясенный, и пристально взгляделся в нежную темноту. «Юмиохум Ремский» – каким образом это имя может быть известно охотнику-горцу? Каким образом оно вообще известно в Сармонтазаре? – Постой, постой... Кем был твой отец?

Тайен долго молчала, всматриваясь в опасные глубины своего прошлого. Потом заговорила – глухим, опустошенным голосом. Совсем чужим:

– Тот человек, которого я называю своим отцом... он не был сыном народа гор... он... прости, мой господин... я не могу вспомнить...

Обессиленная неудачей Тайен уткнулась ему в грудь. Герфегест чувствовал, как по его коже теплым червячком проползла одинокая слеза – слеза девушки. Он был в крайнем недоумении – а недоумевать было с чего.

– Постой, Тайен, но ты ведь помнишь его слова? – тихо спросил Герфегест, в груди которого уже росла как на дрожжах смутная тревога.

– Только слова – и больше ничего... Я не могу вспомнить даже его лица. Не знаю, что произошло со мной... Единственное, что я помню, – расставание с ним нестерпимо... – бессвязно пробормотала Тайен. – Мне страшно...

Она дрожала всем телом и Герфегест почел за лучшее прекратить бессмысленные расспросы. Какая разница, в конце концов, кто ее отец? Что принесут ему ответы, кроме тревоги и новых вопросов? Он любит Тайен такой, какая она есть. И если расставание с отцом для нее нестерпимо, она имеет полное право на слезы. Женщина всегда имеет право на слезы.

Они надолго умолкли. Единственный человек из ныне живущих, расставание с которым было Герфегесту почти нестерпимо, был северянином по рождению, и его звали Элиен.

Многое связывало Герфегеста с ним, ставшим теперь зодчим и владельцем Вольного Города Орин. С ним, Звезднорожденным, обретшим себя в Лон-Меаре. Едва ли Герфегест,

вновь вставший на Путь Ветра, когда-либо встретит Элиена. Им нечего друг другу сказать – так иногда случается даже между самыми близкими друзьями. Быть может, в следующей жизни...

– Мы некстати окунулись в наше прошлое, – утерев покрасневший от слез нос, прошептала Тайен.

Ее губы, отпечатав тихий поцелуй на правой ключице Герфегеста, стали опускаться все ниже и ниже, минуя опушенную кудрявыми волосами грудь и мускулистый живот, пока не достигли белого шрама на правом бедре Герфегеста. Среди многих напоминаний о бранных подвигах этот шрам выделялся своим цветом – в лунных отблесках он, казалось, слегка серебрился.

Там, в глубине давно зажившей и навеки скрытой шрамом раны, до времени покоился Белый Перстень Конгетларов. Алмаз, оправленный в серебро. Символ власти над людьми, которые умерли почти семь лет назад. Перстень главы Павшего Дома Конгетларов.

Тайен обняла бедра своего господина и прикоснулась пылающей вдруг вспыхнувшей страстью щекой к белой змейке шрама. Ее дыхание было горячим и возбужденным и Герфегест запустил руку в ее ласковые, пахнущие хмелем и первым снегом кудри. В тот момент ему казалось, что не хватит самой вечности для того, чтобы насытиться искренностью охотницы Тайен.

2

Врата Хуммера были вырезаны в абсолютно гладкой и плоской скале, которая, если смотреть на нее издалека, казалась чудовищной величины мостом, соединяющим Младшую Сестру и Подкидыша. Эти странные имена получили вершины от опасных горцев, никогда не подходивших к Вратам ближе, чем на три лёта стрелы. Врата Хуммера были заперты заклятием, наложенным на них еще во времена войны Первого Вздоха Хуммера.

Через Врата пролежала единственная сухопутная дорога, соединяющая Сармонтазару и Синий Алустрал. Но дорогой не пользовались уже сотни лет, ибо всякий знал, что ворота непроходимы для смертных.

Сармонтазара и Синий Алустрал – две половины Круга Земель, некогда связанные узами и вражды, и дружбы – теперь были намертво отрезаны одна от другой. Морское сообщение также представлялось невозможным, ибо Завеса Хуммера в равной мере была крепка и в северных горах, и в беспокойных южных морях.

Но, как и все, что заперто, Врата Хуммера можно было открыть. Можно было и взломать.

Это было очень опасно. Это было почти невыносимо. Но некоторым это удавалось.

Разумеется, большинство смертных, отягощенных трусостью и здравомыслием, понимали, что не стоит лезть на рожон и пытаться решить задачу, которая по плечу отнюдь не каждому магу.

О землях, прилегающих к Вратам, ходила дурная слава. Безумец, решившийся попытаться счастье у Врат, скорее всего попросту не нашел бы себе проводника, который дал бы согласие проводить его к Проклятому Мосту, соединяющему Младшую Сестру и Подкидыша. Кому понравится сопровождать людей к месту их гибели? Да и к деньгам горцы были сравнительно равнодушны.

Но не только это останавливало путешественников, жаждущих открыть для себя просторы Синего Алустрала.

Врата Хуммера находились настолько высоко в горах, что пройти к ним можно было только в месяцы Эсон и Элган. Лишь в конце весны погода благоприятствовала восхождению по склону Младшей Сестры. В остальное время такое восхождение делали глупой и

самоубийственной забавой ураганы, снежные бури и муссоны. Черные тучи, налетавшие смертоносными птицами, унесли семена душ десятков отважных глупцов в Земли Грем. С каждым годом глупцов становилось все меньше.

Их небольшой отряд расположился на ночевку в зоне видимости Врат Хуммера. Герфегест помог Дваларе установить тесную походную палатку, обитую изнутри собачьим мехом. Скользнув взглядом по ладной фигуре Киммерин, которая возилась с ужином, он стал удаляться от лагеря. Он очень старался избежать встречи с Горхлой, которому тоже не сиделось у костра. Карлик не вызывал у него симпатии, впрочем, как и Двалара.

Герфегесту хотелось побыть в одиночестве. Наедине с самим собой.

3

Тогда, на пристани мертвого порта в Поясе Усопших, Герфегест принял решение идти в Сармонтазару. Он сдержанно попрощался с Нисоредом и, прихрамывая, поплелся в сторону далеких гор.

Он шел семь дней и семь ночей, останавливаясь лишь для недолгого сна. Он позволил себе трехдневную передышку только на западных отрогах Хелтанских гор, когда мерцающая явь и жуткие миражи Пояса Усопших остались у него за спиной.

Уходя, Герфегест выпросил у Нисореда короткий отрез пергамента и набор старых письменных принадлежностей. Он рассуждал так: коль скоро Врата Хуммера отнимут его память, значит, самое важное следует доверить пергаменту. Следуя Поясом Усопших, Герфегест хорошо обдумал свое положение и теперь точно знал, что и как ему нужно написать.

В начале пергамента Нисоред записал для него Четыре Заклинания Врат. Сразу под ними Герфегест изложил свою историю. Имя, происхождение, родство. Заклятие Конгетларов. Смерть Теппурта. Смерть Зикры. Падение Наг-Туоля. Самоубийство Конгетларов в Старом Порту Калладир. Внизу оборотной стороны еще оставалось достаточно места, чтобы крупно вывести: «Семя Ветра».

Все. Больше ему ничего не понадобится.

Спустя две недели Герфегест, увязая в снежной каше, вошел в ущелье Голодных Камней, миновав которое он рассчитывал увидеть Врата.

Они сияли изумрудно-зеленым провалом на фоне заснеженных вершин. В тот миг, когда солнце, выползшее из-за темно-синей тучи, осветило Проклятый Мост – запорошенный снегом, недоступный, пугающий, огромный, – Герфегест впервые за все путешествие потерял уверенность в том, что ему удастся открыть Врата. Может быть, Нисоред переоценил свои заклинания?

Два дня он провел в пагубной нерешительности и наконец, призвав на помощь всю свою волю, пошел вверх. То был день весеннего равноденствия. В северных землях Сармонтазары справляли Новый год.

Врата Хуммера, казалось, не обращали на непрошеного гостя никакого внимания. Герфегест, вспомнив все, о чем наспех предупреждал его Нисоред, распластался перед Вратами на животе, выбросив руки вперед.

«Это совершенно необходимо», – предупредил просвещенный чернокнижник. Затем, выждав положенное время, которое показалось ему самой вечностью, Герфегест принялся декламировать мудреные заклинания.

Это было Истинное Наречие Хуммера. Им владел северянин Элиен, повергший темное владычество Октанга Урайна. На нем отдавал приказания своим птичеловекам со странным названием «кутах» и сам Октанг Урайн.

Истинное Наречие Хуммера наверняка доступно и Шету окс Лагину, в прошлом – названому брату Элиена, а ныне – Сиятельному князю Варана. Наречием Хуммера владел Хранитель Шара Леворго, а с ним и другие диофериды.

Но тогда Герфегест еще не знал этих людей или скорее нелюдей. Более того, Герфегест, распластавшийся перед Вратами и больше всего радевший о том, чтобы унять дрожь в голосе, не знал, на каком языке он сейчас обращается к Вратам. Тогда Наречие Хуммера говорило ему не больше шелеста тростника.

Наконец Четыре Заклинания были произнесены полностью и Герфегест притих в источающем ожидании.

Ждать ему пришлось очень долго. Лишь спустя две недели он пришел в себя и осознал, что под его ногами – земля Сармонтазары, что он – Герфегест Конгетлар и что жизнь, как это ни странно, продолжается.

Врата Хуммера пропустили его. Но, как и предупреждал Нисоред, они лишили его памяти. Разумеется, не всей. Но лишь тех ее сокровищ, что приглянулись Стражу Врат.

Герфегест не был магом. Путь Ветра еще не был пройден им до конца. Тогда он был всего лишь двадцатилетним отпрыском проклятого Дома. Несмотря на знание тайных искусств своего Дома, он был наивен и простодушен. Но Врата Хуммера лишили его памяти, а вместе с нею и простодушия. И вот об этом Герфегесту никогда не приходилось жалеть.

Герфегест поднялся на ноги и оглянулся. Врата Хуммера по-прежнему были затворены. Но если прежде за ними скрывалась для него неведомая, дикая Сармонтазара, то отныне Врата служили ему непреодолимой преградой к возвращению в Алустрал – нестерпимо родной, нестерпимо ненавистный.

За поясом Герфегеста обнаружился пергаментный свиток. Он с недоумением развернул его. Пергамент был девственно чист.

Было совершенно очевидно, что чернила никогда не касались его на совесть выделанной поверхности. Герфегест посмотрел на другую сторону. Там, внизу, словно бы выжженные огненным перстом, чернели всего два слова: «Семя Ветра». И все.

Он – человек, он – Герфегест Конгетлар, он – в Сармонтазаре. Это ему было ясно. Что такое «Семя Ветра», он не знал. Но то, что его надо найти, не вызывало никаких сомнений. В этом отныне заключался смысл его довольно-таки бессмысленной жизни.

Так четырнадцать лет назад в Сармонтазаре появился человек по имени Герфегест. Он искал знание о себе. И единственным ключом к этому знанию было Семя Ветра.

4

Горхла принес в палатку хорошие вести. Дорога свободна, погода обещает быть доброй и съестные припасы, оставленные ими на пути в Сармонтазару, целы и невредимы.

Наутро они начали восхождение.

Герфегест дивился выносливости Киммерин, в чьем хрупком на вид теле, казалось, были скрыты неисчерпаемые запасы силы. Свирепый резкий ветер пронизывал насквозь их одежды, и даже выдавший виды Герфегест, чья морозоустойчивость питала завистливые рассказы сармонтазарских горцев о его причастности к колдовству, чувствовал себя прескверно. Но Киммерин, казалось, все было нипочем.

Своей внешностью Киммерин была полной противоположностью Тайен, мысли о которой безуспешно гнал прочь Герфегест. Тайен была стройна, но невысока. Ее руки были руками охотницы – сильными, жилистыми. Обычно ее густые волосы были собраны в тугий пучок, перевитый кожаными лентами, а иногда – лежали на плечах двумя роскошными волнами. Лицо Тайен светилось искренностью, чистота ее намерений отражалась в ее бездон-

ных серых глазах. Она мало походила на горцев лицом и повадками. Все в ней выдавало принадлежность к северной расе.

Киммерин была черноброва, тонкокожна и белокожа – именно такими были первые красавицы Алустрала. Волосы Киммерин, черные словно вороново крыло, были коротко и весьма затейливо обрезаны. Так стригут в Алустрале мальчиков Дома Лорчей – вспомнил Герфегест. Киммерин была выше Тайен на две головы. Своим ростом она была почти ровня Герфегесту – именно поэтому, когда нити их судеб переплелись впервые в кровавой сече близ святилища, он в первые минуты попросту принял Киммерин за женственного юношу.

Да и в остальном Киммерин походила на юношу – прямолинейностью, доходящей до грубости, непочтительностью, импульсивностью. Девичьей стыдливостью Киммерин тоже не отличалась. Если грудь Тайен была упругой и пышной, то грудь Киммерин, то и дело показывавшаяся из-под неумело залатанной кожаной курточки, походила скорее на два не вполне созревших яблока.

Она мылась вместе с мужчинами, оголившись до пояса. Удаляясь от костра по нужде, она не считала нужным стыдливо говорить «пойду подышу воздухом». Киммерин всегда находила нужным высказаться, если обсуждалось нечто действительно важное. И для нее не было никаких сугубо «мужских» тем, она разбиралась во всем – в оружии, тактике боя, лошадях.

Однако эти качества не делали Киммерин непривлекательной, а, напротив, сообщали ей некую особую прелесть. Таких девушек не сыскать в Сармонтазаре – Герфегест был готов присягнуть. Такой, вот именно такой красотой богат один лишь Синий Алустрал.

При всем этом Киммерин отличалась большим тактом и молчаливостью. Пристальный взгляд ее больших карих глаз было нелегко выдержать. Но когда она глядела на Герфегеста, ее замкнутость порою сменялась нежным участием.

Вечерами, когда Герфегест тихо цепенел у костра, когда в его душе призраки голосили свои погребальные песни, когда его раздирала скорбь по Тайен, в чьем уходе было так много недосказанного, Киммерин не терзала его расспросами. Она молча подносила ему небольшую чарку, вырезанную из черного дерева, до краев наполнив ее душистым хмельным отваром из своей фляги.

– Что это? Вино? – спросил как-то Герфегест.

– Это лечит раны, – с загадочной улыбкой отвечала Киммерин.

– Спасибо за заботу, Киммерин. Но ведь на мне заживает, словно песок затягивается. Может, побережешь лекарство?

– Это лечит раны души, Герфегест. – Голос Киммерин был очень тих. – Эти раны, эта боль – они мешают тебе любить.

Герфегест медленно отставил чарку прочь. В его глазах сверкнула ярость.

– У меня нет желания расставаться со своей болью, Киммерин. Эта боль не дает мне забыть о Тайен – девушке, которую я люблю больше, чем люблю себя. Я не хочу, чтобы затянулась та рана, которой разорвана надвое моя душа после смерти Тайен. Мне не нужно любить, я не хочу любить больше!

– Тайен умерла, Герфегест. Она рассыпалась! А ты остался с нами. У тебя будут другие женщины. Ты создан для того, чтобы подарить счастье многим, – не изменившись в лице, ответила невозмутимая Киммерин.

Герфегест сомкнул брови над переносицей. Ему вспомнился красавец Вада Конгетлар, о любвеобилии которого в Алустрале ходили легенды. Вада Конгетлар приходился ему двоюродным братом по материнской линии. Когда из перерезанного кинжалом горла Вады уже успела вытечь багря крови, на его губах заиграла улыбка. Улыбка сладострастия.

– Я не знаю, для скольких женщин я создан. Может быть, ты и права, Киммерин. Может быть – для многих. Но сейчас мне не хочется думать о ком-либо, кроме Тайен. Мне не хочется думать о других. Сама мысль о них кажется мне кошунством.

– Но ведь твоя Тайен была Сделанным Человеком. Она даже не была женщиной. Это же сплошной обман, твердая иллюзия! Тебя обманули, как мальчишку, Герфегест!

Герфегест призвал на помощь всю свою сдержанность – в глубине души он был бы не прочь залепить уста Киммерин увесистой оплеухой, какими brutальные керки награждают своих не в меру языкатых жен.

– Это не имеет никакого значения, Киммерин, – наконец процедил Герфегест, которому всегда были отвратительны обычаи керков. – Мне не столь важно, кого именно я любил и кем именно был любим. Это ничего не меняет. Но главное – мне не понять, почему все это так беспокоит всезнайку Киммерин!

– Потому что я хочу тебя. Вот почему меня это беспокоит, – ледяным голосом сказала Киммерин и в ее глазах Герфегест не сыскал скользких отблесков лжи.

5

Трое – Двалара, Герфегест и Киммерин – распластались перед Вратами Хуммера, вжимая животы в ледяные камни. Изумрудно-зеленые отсветы, вырывавшиеся из-за Врат, колдовскими языками облизывали их потрепанную мокрую одежду. Злой ветер сушил их лица и руки.

Горхла ходил вдоль Врат, особым образом ощупывая их. Затем и он лег.

Герфегест закрыл глаза. Горхла начал читать Четыре Заклинания Врат.

– Горхла опытный маг. Ученик Рыбьего Пастыря, – шепнула Герфегесту лежащая рядом Киммерин. – Врата послушны ему. Мы можем ни о чем не тревожиться.

Но Герфегест и не думал тревожиться. Странное безразличие овладело им. Он не боялся потерять память снова – то, что уже изведано, не может быть по-настоящему страшным. В отдаленных тайниках его души даже теплилась надежда на такой исход – если Врата Хуммера отнимут у него память, они отнимут ее вместе с воспоминанием о смерти Тайен.

Ждать не пришлось долго. Изумрудно-зеленое сияние померкло и Врата распахнулись.

– Добро пожаловать в Синий Алустрал, – с недоброй улыбкой сказал Горхла. Улыбка была адресована персонально Герфегесту.

Он с достоинством прошествовал под массивной гранитной аркой. Он не стал оборачиваться.

Впереди, спеленутые лиловым туманом, лежали хищные земли Пояса Усопших.

6

– Мы не будем отдыхать, пока не доберемся до Денницы Мертвых. Так зовется город, где мы ненадолго остановимся. – Горхла ткнул крепким пальцем в замусоленную карту.

По негласному соглашению Горхла был старшим в отряде. Герфегест не роптал – он давно оставил позади тот возраст, когда начальствование над кем-либо приятно щекочет нервы, веселит душу и пестует гордыню. Ему было все равно.

– Мы будем идти ночью, а спать днем, – продолжал Горхла.

Никто не возражал. Все знали, что ночевать в Поясе Усопших гораздо опаснее, чем дневать. А спать во время опасности гораздо хуже, чем бодрствовать.

– Через восемь дней мы доберемся до Старого Порты Калладир. Там нас ждет корабль.

«... если его палуба еще не превратилась в сито, а паруса – в зеленые сопли морской шуки», – подумал, но благоразумно смолчал Герфегест. Что такое Пояс Усопших, он знал не понаслышке и полагал ожидания Горхлы чистейшим прекраснотушением.

– Поэтому сегодняшнюю ночь мы проведем в пути, – подытожил Горхла и отхлебнул из фляги, висевшей у него на поясе.

Герфегест поймал недовольный взгляд, брошенный Дваларой на Киммерин. Теперь у него уже почти не было сомнений в том, что двое его попутчиков состоят в любовной связи. Безусловно, именно этим объяснялась подчеркнутая холодность, которую все время демонстрировал по отношению к Герфегесту Двалара. Воину Ганфалы было явно не по вкусу радушие Киммерин, не желавшей видеть в Герфегесте просто попутчика.

7

– Пояс Усопших – это место, где ночные кошмары мира обретают плоть и кровь, – предупредил Горхла Герфегеста. Они спускались с гор, мир становился все тоньше.

– Все верно. Но разве пятнадцать лет назад было иначе? – не удержался Герфегест.

– Конечно, иначе.

– Что же теперь?

– Теперь Хуммер дышит, – ответил Горхла так, словно этим было сказано все.

Герфегест почел за лучшее отказаться от расспросов. По телу его и так расплзался неприятный холодок.

Горы сменились холмами, а спокойствие – неопределенностью. Неуловимое бредовое бормотание хаоса, вплетавшееся в ткань реальности Пояса Усопших, делало их сны беспокойными и сумбурными. Ну а бодрствование было похоже на коллективное сумасшествие.

Миражи сражений, казней и гибели городов сопровождали их в пути, но, к счастью, исчезали при приближении. Голоса усопших родственников бормотали всякую чушь из ниоткуда. Голоса врагов нагоняли жуть своими непрошеными зловещими предсказаниями. Разлагающиеся руки женщин ласкали их волосы. Призрачные стрелы зависали в воздухе, не долетев до лица двух ладоней. Запах тления преследовал их неотвязно. И не было никого, кто мог бы положить этому конец.

Но не все миражи исчезали, как исчезает радуга. Некоторые застывали – дерзкие и неколебимые, – утверждая свою власть над реальностью.

Через день пути отряд вышел к озеру. Воды его были черны, словно застывшая смола. Ни ряби, ни волнения у кромки воды. Тишина.

– Усопшие по-прежнему морочат нас, но это отнюдь не худшее, что может встретиться в виду Денницы Мертвых, – с многоопытным видом изрек Горхла, когда Двалара, Киммерин и Герфегест замерли на берегу, удивленные стойкостью видения.

– Это блуждающая вода, – сказал Горхла и склонил свою уродливую голову над черной поверхностью озера.

Минуту спустя он обернулся. Его редкие седые волосы торчали дыбом, словно ячменная стерня. Его зрачки были величиной с вишни.

– Блуждающая вода не хочет пропускать нас, – сказал Горхла быстрым шепотом, как будто вокруг были люди, от которых следовало таиться.

– Что значит «не хочет пропускать»? – громко поинтересовался Герфегест. Ему хотелось ободрить Киммерин, на лице которой застыло выражение жертвенной отрешенности.

– Куда бы мы ни шли, Герфегест, нашу дорогу всегда будет преграждать это озеро. Оно не даст нам идти дальше, потому что никто из нас, насколько я знаю, не обучен ходить по воде.

– Мы перейдем его вброд! – присоединился к беседе осмелевший Двалара. Видимо, ему тоже хотелось ободрить Киммерин.

– Блуждающее озеро не имеет дна. И не советую тебе, Двалара, проверять правдивость моих слов, – отрезал Горхла.

Карлик выпрямился. В таком положении он доставал Герфегесту ровнехонько до ножен с метательными кинжалами, висевшими у того на груди.

– Хорошо, Горхла, – раздумчиво сказал Герфегест. – Я видел твоё мастерство и знаю, что ты сведущ в магии. Скажи нам, что нужно делать, чтобы покончить с этой напастью?

Горхла выдержал долгую паузу – нарочно, чтобы набить цену своим словам.

– Чтобы я мог ответить, вы все должны посмотреться в воду. Я это уже сделал.

Маленький отряд послушно придвинулся к самой кромке безжизненной иссиня-черной воды. Киммерин, Герфегест и Двалара присели на корточки и наклонились над зеркалом вод в точности так же, как это несколькими минутами раньше сделал Горхла.

Зеркала на то и зеркала, чтобы создавать двойников и умножать сущее. Но зеркало вод блуждающего озера если и было зеркалом, то лишь отчасти. Ни Герфегест, ни Двалара не увидели своих лиц. Узреть свое отражение посчастливилось лишь Киммерин. Да и то – посчастливилось ли?

Горхла беспокойно вглядывался в мертвенно-спокойную гладь озера.

– Ни я, ни ты, Двалара, ни Герфегест не нужны озеру. Ему нужна Киммерин.

– Ясное дело! Одна женщина лучше троих мужчин – это заметили еще похотливые пажи Ее Величества Императрицы Сеннин, – скептически процедил Герфегест, но никто не улыбнулся.

– Озеро требует жертвы, – сказал карлик. – Если оно не получит ее, мы все можем считать себя покойниками.

Как бы в подтверждение правоты Горхлы сквозь черные воды стали медленно проступать крохотные острова в форме отпечатка маленькой ступни. Женской ступни, милостивые гиазиры.

Эти следы-острова образовывали цепочку, своего рода архипелаг, который заканчивался у самого большого по размеру острова, на котором, уже стоя на двух ногах, можно было и стоять, и сидеть. Прямо на глазах картина, едва только наметившаяся, обрела почти законченный вид и изменения завершились.

Герфегест не отличался недостатком сообразительности, но даже он не сразу понял, что имеет в виду Горхла. Озеро? Жертва? Киммерин? Выходит, Киммерин должна быть принесена в жертву для того, чтобы экспедиция могла быть продолжена. Так? Но не успел Герфегест открыть рот и возразить Горхле, как заговорила сама девушка.

– Я согласна, – мужественно сказала Киммерин.

– Благословляю тебя, – с нарочитой значительностью изрек Горхла.

8

«Верное сердце – первое достоинство воина.

Душа, послушная смерти, – второе.

Тот, кто обладает обоими, да изопьет из чаши преданности учителю».

Эти слова были начертаны на пергаментном свитке, бывшем единственным украшением зала для гимнастических упражнений в Обители Ветра.

Зикра Конгетлар никогда не акцентировал внимания своих питомцев на этом изречении, и, может быть, именно поэтому каждый Конгетлар сызмальства знал его наизусть. И Герфегест знал его.

Киммерин не нужно было бывать в Белой Башне, чтобы, не задумываясь, бросить свое «верное сердце» на алтарь преданности учителю, то есть Ганфале. Ее душа была послушна смерти, она была готова умереть в любую минуту. Представления о правильном и неправильном были приблизительно одинаковы во всех Благородных Домах Алустрала.

Воинов всех Домов воспитывали сходным образом. Беспрекословная преданность, самопожертвование, «верное сердце», рассеченное на тысячу частей по первому слову императора, учителя, старшего.

Пятнадцать лет назад такое положение казалось Герфегесту не только естественным, но и единственно возможным. Если старший в отряде говорит тебе, что ты должен быть принесен в жертву Блуждающему Озеру, разлившему свои черные воды по землям мертвых, значит, иной судьбы у тебя нет и быть не может. И значит, нужно радоваться той, что есть.

Но тогда, пятнадцать лет назад, Герфегест был человеком Алустрала. Его душа переродилась в странствиях по Сармонтазаре. Он стал другим. Изменились и его взгляды на всю эту «верность сердца»!

– Никаких жертвоприношений. Не бывать этому! – гаркнул Герфегест.

Но Киммерин уже робко шагала по выступившим из воды островкам к центральному клочку суши. Что произойдет с ней там, на этом растреклятом материчке?

– Киммерин, остановись! – крикнул Герфегест, полностью проигнорировав бурные протесты Горхлы.

Киммерин оглянулась. Ее «верное сердце» не хотело быть принесенным в жертву. Она не хотела умирать. Она бросила на Герфегеста взгляд, исполненный мольбы и смущения. По ее щекам текли слезы.

Такой Герфегест не видел мужественную Киммерин никогда. Но не успел Герфегест крикнуть ей что-то ободряющее, как она снова повернулась к нему спиной и зашагала дальше!

Временной заминкой воспользовался Горхла.

– Герфегест, ты погубишь нас всех. Пусть лучше девочка остановит это безумие, – зачастил карлик. – Посмотри, озеро уже окружило нас со всех сторон. Назад дороги нет...

Герфегест и Двалара обернулись. И в самом деле. Невозмутимые, мертвые воды Блуждающего Озера. Лицо Двалары исказила судорога ужаса.

– Горхла прав! Озеру нужна Киммерин. Только она! Только ее отражение оно пожелало взять себе, да и зачем нам эта цапля... – Голос Двалары дрожал, а его руки были сжаты в совсем неуместные кулаки. В этот момент он не только не казался красивым, но, напротив, был скорее безобразен.

«Ссыкун! – выругался Герфегест, разумея, конечно же, Двалару. – Когда на привалах с ней миловался – небось цаплей не называл. А как что случается – так сразу пошла вон, „верное сердце“.

Он едва удержался от того, чтобы тут же, не вдаваясь в разбирательства, снести Дваларе голову, наплевав на то, что Двалара не так давно спас ему жизнь. На оскорбления, нанесенные женщине, оскорбления явные или неявные, в роду Конгетларов было принято отвечать именно так и никак иначе. Но сейчас на такие мелочи просто не было времени.

– Киммерин, не двигайся!!! – закричал Герфегест, вложив в этот крик всю свою волю.

Киммерин снова остановилась и обреченно опустила голову. До островка ее теперь отделяло не больше десятка шагов.

Двалара, пытавшийся преградить ему дорогу, получил предательский, но заслуженный удар в пах.

Герфегест бросил «извини!» и поставил правую ногу на островок, ближайший к берегу. Спустя мгновение вес его тела переместился на левую ногу, занявшую свое место на другом островке. В этот раз ловкости ему не хватило – озеро взорвалось черными жирными брызгами.

Черная вода жгла, словно кипятки, хотя и не была горяча. Это лишь укрепило Герфегеста в мысли о том, что поскользнуться ни в коем случае нельзя.

Когда-то давно – это воспоминание вернулось к Герфегесту одним из последних, около месяца назад – он тренировался на побережье острова со странным названием Плачущие Скалы под бдительным надзором мастера Зикры Конгетлара.

Там, на мелководе, было рассыпано множество белых и абсолютно круглых камней, бока которых поросли омерзительными красноватыми водорослями. Эти камни образовывали огромные архипелаги, что делало берег весьма удобным местом для практикующих Путь Ветра.

Тренировочные правила были относительно просты – сначала Герфегест должен был сделать сто шагов вперед по камням, не открывая глаз. А затем вернуться тем же путем, но спиной вперед, во всем раку подобный. На обратном пути, впрочем, глаза можно было открыть. Разумеется, помощи в этом не было никакой, так как оборачиваться назад категорически запрещалось.

Герфегест отлично помнил и не сходявшие с него неделями синяки, и бесконечные падения в холодную соленую воду, и ненаигранный гнев Зикры, для которого несмышленность Герфегеста хотя и не была в диковинку, однако не была и в радость. Легкий черный пух уже пробивался над верхней губой Герфегеста и он считал себя вполне взрослым. Кажущаяся бессмысленность упражнения, больше похожего на пытку, временами так злила его, что он был не в силах подолгу сдерживать гнев и тайком плакал.

Однажды, когда Зикра был особенно придирчив, юный Конгетлар демонстративно проделал упражнение на руках. Вопреки его ожиданиям, Зикра Конгетлар не растрогался, а разозлился. Вместо того чтобы, пожуриив Герфегеста за нарушение правил, похвалить за проявленную ловкость, он отвесил ему звонкую оплеуху. Позже он объяснил волчонком косящему на него Герфегесту причину своего гнева.

«Если бы людям, спасающимся от опасности или преследующим врага, было свойственно передвигаться на руках, я бы, пожалуй, сделал тебя примером для подражания. Учиться надо лишь тому, что может пригодиться! – сказал Зикра. – Когда-нибудь ты скажешь мне спасибо за мой гнев», – добавил он шепотом.

За время ученичества в Обители Ветра Герфегест успел свыкнуться с мыслью, которая лишь много позже стала смущать его рассудок, – Зикра всегда прав. Даже когда ошибается.

В мановение ока Герфегест пробежал по островкам и догнал Киммерин. Не иначе как воскресшее воспоминание подарило ему ловкость безусого подростка!

«Спасибо, Зикра», – мысленно промолвил Герфегест. Схватив Киммерин за плечи, он удержал ее от рокового шага на «жертвенник».

10

И Герфегест, и Киммерин понимали, что «жертвоприношению» назначено произойти именно здесь, на большом острове. Горхла и Двалара наблюдали за происходящим с берега. Они безмолвствовали, но прямо-таки театральная напряженность их поз свидетельствовала о крайнем волнении.

«Дрожат за свои шкуры», – процедил сквозь зубы Герфегест и с презрением отвернулся. Киммерин и Герфегест продолжали стоять на узенькой полоске суши – с каждой секундой удерживать равновесие становилось все сложнее.

Убедившись, что еще немного – и оба они свалятся в воду, они наконец решились.

Правая нога Герфегеста, босая, и правая нога Киммерин, обутая в плетеную сандалию, одновременно ступили на обманную сушу «жертвенника».

– Здесь по крайней мере можно нормально стоять, – заметил Герфегест, подмигивая до смерти перепуганной девушке.

– Посмотри туда, – шепотом сказала Киммерин, и ее палец указал на черную гладь Блуждающего Озера.

Герфегест последовал ее совету.

Нет, вода Блуждающего Озера не была зеркалом. Зеркало отражает то, что есть. В крайнем случае – в этом Герфегест уже успел убедиться – оно может отказаться отражать кое-что из того, что есть. Но на то оно и зеркало, чтобы не отражать то, чего нет!

Герфегест увидел в мертвенной черноте озерной глади отражение Киммерин. Вот оно – отражение того, что есть. И не увидел своего. Это тоже понятно. Остальное было хуже.

Поодаль от Киммерин, но совсем близко от того места, где следовало бы отразиться ему самому, Герфегест увидел воина.

Нет, это был не призрак. Призракам нет нужды экипироваться с таким тщанием. Это был именно воин, изготовившийся к важному делу.

Похоже, он не замечал пристального взгляда Герфегеста, по крайней мере в пользу этого не свидетельствовало ничего. Одежда на нем была темно-коричневого цвета и походила на обычное походное платье флотского командира. Два меча висели крест-накрест у него за спиной, их рукояти возвышались соответственно над правым и левым плечами. Перевязи ножен скрещивались на груди, закрытой облегченным нагрудником. Наверняка, если присмотреться получше, можно увидеть на нем и небольшой чеканный герб. Но сколько ни всматривался Герфегест, разглядеть герб он не мог.

Воин был неподвижен, словно бы стоял в дозоре или таился в засаде. Он как будто ожидал чего-то. Но вот чего – понять было невозможно.

На шее воина висела внушительная золотая цепь, а в его левом ухе блистало столь же внушительное золотое кольцо. Нижняя часть его лица от переносицы до подбородка была скрыта маской – такие носят алустральские кормчие, чтобы защитить губы от свирепого ветра. Одни глаза оставались открыты любопытному взору, но в них Герфегест не смог прочесть ничего, кроме Знаков Великой Пустоты.

Осторожно, чтобы не спугнуть отражение воина, Герфегест обернулся туда, где, по естественным законам бытия, некогда преподанным Герфегесту его многомудрым дядей Теппуртом Конгетларом, должен был бы находиться отражаемый предмет. Но воина, казалось, не было.

Герфегест взглянул на бурый песок, покрывавший остров. Вот оно. Девственно ровная поверхность песка была в одном месте немного примята. Примята, потому что именно там стоял воин-невидимка!

Киммерин была рядом и тоже рассматривала воина, отраженного непростым зеркалом Блуждающего Озера.

Во взгляде ее была отрешенность и полная покорность судьбе. Похоже, она уже начала жалеть о том, чему так обрадовалась, когда ее грудь стиснул в нечаянном объятии Герфегест Конгетлар. О том, что с ней Герфегест. Она слишком вжилась в роль жертвы!

– Эй, вы, та-ам! – заорал с берега Горхла. – Что вы стоите как каменные – сделайте что-нибудь! Хоть поцелуйтесь что ли, Хуммеровы дети!

Горхле вторил истерический смех Двалары.

Видимо, Горхла и Двалара, уже давно ожидавшие самого худшего, решили избавиться от напряжения, задействовав голосовые связки. Пояс Усопших явно был способен сделать из самых стойких воинов истерических купеческих дочек.

Но Герфегесту было не до истерик – ибо неподвижное прежде отражение воина зашевелилось. Воин обнажал клинки.

Герфегест был зачарован – в Сармонтазаре не ковали такого оружия, каким славился Алустрал. Бывали, конечно, исключения – вот, например, мечи, выкованные Элиеном или Сегэллаком. Но единичные удачи, к огромному сожалению Герфегеста, не меняли картины.

Воин-из-озера был вооружен настоящим произведением кузнечного искусства. Лезвия мечей были длинны и имели ровные края. Сами клинки были отшлифованы до зеркального блеска и, насколько мог заметить Герфегест, облегчены орнаментом. Богато украшенная гарда имела овальную форму и отлично прикрывала руку.

«Кто выковал твои мечи?» – вот какой вопрос вертелся на языке Герфегеста, пока он следил за движениями воина, но он так и остался незадачным. Весь восторг Герфегеста остался спрессованным в одном-единственном мгновении бытия, ибо в следующее мгновение он обратился одухотворенной молнией, упоенной собственной мощью.

Путь Ветра дает воину стремительность и ему не отказаться от этого дара. Такова философия Пути.

Идущий Путем Ветра может разрубить надвое падающую каплю оливкового масла и вложить меч в ножны до того, как обе половинки упадут на землю. Такова практика Пути.

Герфегест вынул свой меч из ножен быстрее, чем воин-невидимка закончил движение по извлечению своей смертоносной пары клинков из спинных ножен.

Киммерин, все еще не понимавшая, что происходит, стояла в стороне, напряженная, словно струна варанской арфы. Она знала только одно – сейчас решается ее судьба.

Невидимка, уверенный в своей невидимости, похоже, не ожидал настоящего боя. Когда меч Герфегеста, ни в чем не уступавший прекрасной паре клинков, послушных его невидимой руке, обрушился на него в рубящем ударе, он едва успел уклониться.

Герфегест посмотрел на отражение – кажется, ему удалось достать невидимку в плечо. И верно – на песок брызнули капли лазурно-голубой жидкости!

Герфегест понимал, что положение, в котором он находится, наихудшее из возможных. И потому каждая секунда промедления будет стоить ему жизни.

«Са-ар!» – выкрикнул, выдохнул Герфегест и, опустившись на одно колено, выбросил меч далеко вперед.

На этот раз его выпад был отражен клинком воина в маске – хотя и невидимым, но тем не менее весьма действенным. Счет времени шел теперь на неуловимые мгновения. Теперь у Герфегеста не было возможности следить за отражением противника.

Он быстро вскочил и, переместившись в двойном прыжке на четыре шага правее, начал маневр, цветастое название которого вспомнилось ему лишь несколькими часами позже – «серая гадюка прыгает с ветви ясеня и разит свою жертву в горло».

В горло. Именно в горло.

Герфегесту повезло опередить врага на доли мгновения – и вот невидимка был ранен еще раз. Песок на месте схватки стал густо-голубым – похоже, воин был серьезно задет и терял много крови.

Но Герфегест не думал останавливаться на достигнутом.

«Если ты поднял меч и решил убивать – забудь о пощаде», – учила шестая заповедь Пути Ветра. Но прикончить загадочного кормчего в коричневых одеждах теперь было не так-то легко – судя по следам на песке, он решил ретироваться. А может, попросту задумал поразить неуязвимого доселе Герфегеста в спину!

Герфегест остановился, пытаясь определить, где теперь воин-невидимка.

Сражаясь, они слишком далеко отошли от воды и теперь Герфегест лишился возможности ориентироваться на его отражение. Следы на песке молчали. Повисла удручающая тишина, которая, однако, не продлилась дольше минуты. Ее прервал истошный крик Киммерин:

– Сзади, Герфегест! Он сзади! Ложись на землю!

Не успел Герфегест дослушать Киммерин, как его гибкое тело уже лежало на песке. Предательский удар в спину, задуманный невидимкой, поразил пустоту.

В мгновение ока Герфегест отбросил меч и извлек из ножен четыре метательных кинжала – один из них обязательно достигнет цели.

Четыре коренастых лезвия устремились в мнимую пустоту с характерным присвистом. Фонтан светло-голубой жидкости взмыл в небеса.

– Он мертв, – сказала Киммерин, приближаясь к Герфегесту, замершему на месте, словно гадюка, чей прыжок с ясеновой ветки оказался во всех отношениях удачным.

11

После того как невидимый кормчий был сражен двумя метательными кинжалами Герфегеста, Блуждающее Озеро истаяло на глазах. Как будто в земле вдруг открылись невидимые трещины, в которые разом ушла вся черная вода.

Не разговаривая и не останавливаясь, отряд двинулся дальше. И только через десять часов пути Горхла предложил сделать привал.

В отношениях между Герфегестом и остальными, исключая разве что Киммерин, наметился некий надлом. Это чувствовали все – молчание было тягостным, продолжительным и зловещим.

– Не держи на меня зла, Герфегест, – сказал наконец Горхла, разминая свои короткие, но мощные ступни, измученные сапогами. – Я знаю, Рожденный в Наг-Туоле, твои чувства. Это низко – посылать девушку в жертву нелюдям Пояса Усопших. Я знаю это.

– Просто знать – мало, – отрезал Герфегест.

Горхла опустил взгляд и провел своей кряжистой рукой по редким седым волосам.

– Но ты не знаешь начала этой истории. Ты видел только ее конец. – Морщины на лбу Горхлы сложились в замысловатый узор. – Мы были в этих местах не так давно – когда следовали тебе на помощь, выполняя поручение, данное нам Ганфалой. И нас было четверо – точно так же, как сейчас. Только тогда тебя не было с нами.

Киммерин уронила голову на руки – чувствовалось, что рассказ будет не из приятных.

– Как и сегодня, мы встретили Блуждающее Озеро – тогда я видел его впервые. Тогда я не знал, чем чревата эта встреча. Мы едва не погибли, когда его едкие воды стали смыкаться вокруг нас – медлительных, гордых. Мы спаслись только благодаря тому, что один из нас добровольно отдал себя в жертву духу этого опасного Озера, принявшему человеческий облик.

– Кто был этот мужественный человек?

– Это была моя сестра, – сквозь непрошенные слезы сказала Киммерин. – Ее звали Минно.

– Это была моя женщина, но я не смог сохранить ее, – прохрипел Горхла. – Я не смог пройти и пяти шагов по проклятым каменным следам. Мои ноги слишком коротки для этого.

– Не стоит бередить старые раны, – довольно фальшиво и уж совсем не к месту вставил Двалара, обнимая за плечи всхлипывающую Киммерин.

– Отстань, – огрызнулась в сторону Двалары Киммерин и подняла на него вмиг высохшие глаза. Двалара смущенно отступил.

– Отряд – это тело. Каждый член отряда – отдельный орган. Тело не выживет, если каждый орган будет радеть о себе больше, чем о целом, – делая вид, что не замечает Киммерин и Двалару, заключил Горхла.

Герфегест молча кивнул ему. Пожалуй, впервые за все время их знакомства Горхла показал свое человеческое лицо, тщательно скрываемое под личиной опытного мага и человека без привязанностей. Впервые Герфегест почувствовал к Горхле нечто, похожее на симпатию. «Выходит, он тоже потерял женщину из-за Семени Ветра», – подумал Герфегест.

– Я у тебя в долгу, Герфегест, – сказала Киммерин и в ее голосе снова звучала бывшая сила духа.

Так сказала Киммерин, «верное сердце». Девушка, которая не задумываясь предложила себя в жертву невидимому кормчему, в чьих призрачных жилах течет светло-голубая кровь, чтобы спасти товарищей по отряду. В том числе и его, Рожденного в Наг-Туоле.

12

Денница Мертвых. Когда-то этот город назывался иначе. Герфегест не знал как. Не знал и Горхла.

Наверное, были некогда в Синем Алустрале книги, способные поведать о падении земель, которые позднее получили название Пояса Усопших. Быть может, были и мудрецы, чьи ученые головы хранили знания о том, когда это было и почему все произошло так, как произошло.

Герфегест не знал, что за город приютит их в своих разрушенных стенах. Но он не выказывал страха – бояться в Поясе Усопших означало призывать свой смертный час и понапрасну гневить судьбу, чьею милостью ты оставался жив до сих пор.

– Это останки людей из отряда Гамелинов. Того отряда, который вел зломерзкого паука, – с отсутствующим видом пояснил Горхла.

Они шествовали по мосту, перекинутому через сухой ров. Такой же сухой, как и безлюдная пустыня, от которой ров отгораживал мертвый город. Дно рва было обильно утыкано кольями, на которых, не тронутые ни птицами, ни гадами – даже они не могли выжить в Поясе Усопших, – лежали и мирно истлевали несколько скелетов.

– Сдается мне, эти молодцы сами свели счеты с жизнью, – вставил Двалара. – Посмотрите, кольчуги на них целы, их ножны полны, а вон и щиты валяются. Едва ли кто-то из них свалился с моста случайно – тут нужно постараться, чтобы угодить прямехонько на те колья. Тут нужен прыжок.

– Думаю, они попросту лишились рассудка, – заключила Киммерин, оглядывая разлагающиеся останки. – Конечно, трудно прочесть правду на их лицах – кожа почти полностью сгнила, а глазницы съело это ненасытное лиловое солнце. Но, по-моему, это было безумие. Вот у того, у которого ребра разворочены и кишки вывалились наружу, – точно лицо одержимого... Или вон, у которого хребет свернут... того, с вытекшими глазами...

Брезгливость – первое качество, которое необходимо искоренить в себе воину. В плане впечатлений воин должен быть всеяден, как собака. Это Герфегест знал. И все-таки его покорила тот азарт, с которым Киммерин предавалась обсасыванию таких, в сущности, отвратительных подробностей.

Сам Герфегест мог, не поморщившись, пронести на себе вырытый из могилы труп двухмесячной давности хоть целые сутки – если есть необходимость, разумеется. Но вот любознательность прекрасной девушки отчего-то стала ему неприятна. Если бы подобные речи вел Двалара...

С другой стороны, Герфегест признавал, что Киммерин – опытная воительница, с которой безрассудно состязаться большей половине мужчин, которых он когда-либо встречал на

полях сражений. Она зарубит их как котят или, если ей не дадут оружия, задушит одной правой. И все же...

Герфегест никогда не лгал себе. Покопавшись в своих чувствах, он пришел к странному для себя самого выводу – ему не хотелось видеть в Киммерин девушку-воина. Чего же ему хотелось?

Словно бы в лад его мыслям, Киммерин, шедшая в нескольких шагах за ним, вдруг нагнала его. И, положив руку ему на плечо, сказала:

– Герфегест, я прошу тебя помочь мне с ножнами сегодня вечером. Акуля кожа сморщилась – сама не знаю почему. Мне кажется, нужно просто по-новому перетянуть их. Не возьму в толк, что за напасть!

Киммерин сказала это не настолько тихо, чтобы возбудить подозрения Двалары и Горхлы, но и не настолько громко, чтобы те могли расслышать ее слова.

Улыбка сообщника тронула губы Герфегеста. Ножны, в которых покоился короткий меч Киммерин, были великолепны. Выточенные из черного дерева, они были обтянуты акульей кожей, которая была декорирована золотыми и бронзовыми накладками.

Кожа действительно несколько испортилась и Герфегест понимал – все дело в ненормальной, противной всему живому воде Блуждающего Озера, капли которой разъели мастерски сделанную обивку, пока Киммерин шла на заклятие. Разумеется, нужно помочь Киммерин сохранить отменную вещь. Но... Герфегест понимал, что дело тут не в ножнах.

13

Дворец правителя – худшее место для ночлега. В особенности заброшенный дворец мертвого правителя.

Но Герфегест и Киммерин были настолько поглощены друг другом, что мрачные мысли на время оставили их.

Провозившись с ножнами добрых полтора коротких колокола, они, не в силах длить самообман, упали на грудь истлевшего тряпья и слили уста в глубоком поцелуе. Они ласкали друг друга так ненасытно, словно были влюбленными, не видевшимися целый долгий год. Словно и не проводили они друг с другом дни, ночи и недели как товарищи по отряду. Словно они и впрямь любили друг друга.

Повод был найден, повод был исчерпан и отброшен прочь – ножны, обтянутые акульей кожей, валялись на полу. Непрошенные свидетели зарождающегося притяжения между Герфегестом и Киммерин – Двалара и Горхла – были в отлучке. За что им обоим и Киммерин, и Герфегест были немало благодарны.

Горхла и Двалара отправились к Колодцу Невинных. Этот колодец, по уверениям всезнающего Горхлы, был единственным местом во всем Поясе Усопших, где можно было раздобыть немного воды. Да и то лишь насадив плотку соответствующей порцией заклинаний. Горхла вызвался быть поводырем и заклинателем, а Дваларе досталось нести бурдюки. Герфегесту и Киммерин выпало караулить вещи и наслаждаться друг другом. Дело не столь, конечно, почетное, как добыча воды, но зато и не слишком хлопотное.

Герфегест никогда не лгал себе. Когда Киммерин положила руки ему на плечи и стала походя ласкать его заплетенные в косы волосы, покрывая шею как бы невинными поцелуями, Герфегест уже представлял себе ту минуту, когда на излете сладострастия вместе с последним вздохом с его губ слетит: «Я люблю тебя, Киммерин!»

Он принял ее ласки, как принимают благодарственный дар, на который ты не имеешь никакого права, ибо не сделал ничего, достойного благодарности. Его руки, в которых еще жила память о совершенном теле Тайен, беззастенчиво ласкали маленькую грудь девы-воительницы и жаркий поцелуй был ему ответом.

Киммерин лишь застонала, когда Герфегест, усадив ее на колени, вошел в нее так, как это умели лишь мужчины Дома Конгетларов. Не теряя достоинства, не спеша, но и не медля. Волосы Герфегеста разметались по плечам, и маленькие капли пота, выступившие на его лбу, были единственным свидетельством его напряжения.

Затем настал черед Киммерин показать Герфегесту всю глубину своей страсти. Она опустила на колени и сделала то, о чем Герфегест не смел попросить ни одну прелестницу, но что многие прелестницы охотно делали, не дожидаясь просьб.

Длинные и гибкие пальцы Герфегеста ласкали ее аккуратную головку, стриженные под мальчика из Дома Лорчей волосы, а сам Герфегест в это время несколько бессвязно думал о том, отчего приязнь к мужской любви, которой славится Варан, оставшийся далеко позади, в Сармонтазаре, столь непопулярна в его родных краях.

Не то чтобы этот вопрос был для него животрепещущим, но сам факт показался ему весьма любопытным. Может быть, в компенсацию за презрение девушек в Алустрале так часто стригут по-мужски? Но очень скоро рассуждения были сметены с просторов его рассудка немым ураганом экстаза.

– Что такое «денница», милый? – спросила Герфегеста Киммерин, когда они, уже порядком обессиленные, натягивали на себя походное платье. Им не хотелось, чтобы Двалара и Горхла, вернувшиеся с добычей, застали их заплетенными в неразлучное объятие.

– Наши предки звали денницей утреннюю зарю, – ответил Герфегест и его губы тронула улыбка нежности – обнаженное тело Киммерин, какое-то наполовину девчоночье и наполовину мальчишечье, было очень и очень привлекательным.

– Какая это гадость – утренняя зоря в городе мертвых, – сказала Киммерин, целуя плечо Герфегеста, нового Хозяина Проклятого Дома Конгетларов.

И тут они услышали крик.

14

– Это голос Двалары, – встревожилась Киммерин.

Герфегест перекинул перевязь с ножами через плечо и бросил неуверенный взгляд на девушку, зримо истощенную любовью. Стоит ли оставить ее одну – может же она, в конце концов, отдохнуть – или же умнее взять ее с собой?

– Со мной все в порядке. Я пойду с тобой. Иначе и быть не может, – вмиг разрешила его сомнения Киммерин, пристегивая пояс с метательными кинжалами. Ее меч, временно лишившийся ножен, остался лежать возле того места, где они только что творили любовь. Она не возьмет его.

Боевой клич Горхлы поторопил Герфегеста и Киммерин – теперь не оставалось сомнений в том, что там, в ночи, творится неладное.

На ходу поправляя одежду, Герфегест и Киммерин выскочили на улицу, пытаясь понять, откуда доносился крик.

Обошлось без долгих поисков. Незвестность – заклятый враг твердости духа. И чем дольше длится она, тем хуже для исхода сражения. Но то, что увидели Герфегест и Киммерин, само по себе настолько не благоприятствовало доброму исходу сражения, что неизвестность едва ли могла навредить хоть сколько-нибудь существенно.

Слепец не умер, потому что не жил. Но даже и неживой он был опасен.

Двалара лежал подле Колодца с раздробленной грудью, и его семиколечатый цеп, который он взял на случай обороны, лежал рядом с ним словно бутафория для погребального обряда.

Похоже, он не дышал – ни у Герфегеста, ни у Киммерин не было возможности выяснить, жив ли вообще Двалара.

Их волновало другое: как остаться в живых самим и как спасти Горхлу. Но Горхла, похоже, наполнился решимостью спасти себя самостоятельно. В руках карлика был его верный двуручный боевой топор – оружие столь редкое в Сармонтазаре, что Герфегест невольно залюбовался боем.

Топор Горхлы был идеален для борьбы и с закованным в доспехи конником, и для умирения зарвавшегося босоногого разбойника. Раны, которые наносил такой топор, были широки и глубоки – лекарям нечего было делать там, где поработало такое оружие.

Большой вес топора, а главное – размещение ударной тяжести в точке, наиболее удаленной от начала рукояти, делали удар мощным и неотразимым. В умелых руках Горхлы топор был не только достойным соперником меча, но и во многих случаях превосходил его.

Лезвие этого диковинного топора было широким, а рукоять – необычайно длинной. В руках карлика она казалась еще длиннее из-за своей несоразмерности с детскими пропорциями воина. На противоположном конце рукояти топор Горхлы имел нечто лучшее, чем обычный противовес-набалдашник, которым оканчивалось большинство виденных Герфегестом топоров. На конце рукояти был мощный стальной шип – таким образом, в случае необходимости, топор Горхлы годился и как колющее оружие.

– Эй-а! – яростно вскрикнул Горхла и атаковал мерзостную тварь.

Слепец попятился, подняв четыре передние ноги. Его ложноязык, похожий на бич, какими скотоводы поучают свое неразумное четвероногое состояние, нерешительно втянулся в глубь пасти.

Горхла продвинулся на два шага вперед, занося топор для нового удара. Похоже, он еще не успел заметить Герфегеста и Киммерин, пришедших ему на подмогу.

– Получи, мразь! – захрипел карлик и сделал сначала один, а потом и второй фальшивый выпад.

Было понятно, что Горхла решил дорого продать свою жизнь, сделав ставку на технику перманентного наступления без передышки. А-нан-хах – так назывался этот стиль в Алустрале. Герфегест не относился к числу приверженцев этой утомительной техники.

Однако сейчас Герфегест не мог не признать действия Горхлы разумными. «Нужно разделаться с тварью на первом дыхании, иначе ты никогда не одолеешь ее, потому что сил у нее в сто раз больше», – заключил Герфегест и вложил меч в ножны. Было ясно, что помочь Горхле мечом не получится.

Киммерин извлекла из ножен метательные кинжалы и протянула два Герфегесту, столь опрометчиво положившемуся на свой пусть великолепный, но в данной ситуации совершенно бесполезный меч – Горхла припер Слепца к стене дома с плоской крышей и подбаться к пауку стало невозможно. «Двое бойцов, занятых одним противником, – это половина бойца», – так учил Герфегеста Зикра Конгетлар.

Слепец не был хитер, с большими основаниями его можно было назвать бесхитростным. Но он был силен и мощен. Когда до его глупой, но совершенно безжалостной башки дошло, что его теснят и, не исключено, вот-вот оттяпают ему пару передних ног, он прижался к земле и прыгнул.

Если карлик не успеет увернуться, его участь будет печальной.

– Эй-а! – вскрикнул Горхла.

«Обратный тройной жернов» – так называлось сальто, молниеносно выполнив которое, проворный карлик тут же вышел из опасной зоны.

Но Слепец не думал останавливаться.

Он поджал восемь задних лап и снова вышвырнул вперед ложноязык. На сей раз Горхле не повезло. Он потерял равновесие и упал, зажимая свежую рану в плече своей крохотной ладонью. Кровь брызнула на булыжники, которыми были вымощены улицы мертвого города. Топор выпал из его рук. Горхла оказался отчаянно беззащитен!

– Вставай, Горхла, вставай! – истошно заорала Киммерин.

В Слепца разом полетели два метательных кинжала.

Один из них уязвил Слепца в слуховой бугор на голове. Слепец не чувствовал боли в том смысле, в котором ее чувствуют люди. Но даже ему пришлось не по нраву нахальство Киммерин.

Он так долго собирал себя из частей, он так долго собирал себя по каплям близ святилища, он так долго строил свое тело из разрозненных кусочков и пылинок, повинуюсь неискоренимому инстинкту обрести целостность... А теперь снова, теперь снова кто-то пытается помешать ему выполнить назначение, найти Семя... кто-то новый, кто-то...

Слепец обернулся к Киммерин.

Горхла, воспользовавшись замешательством свирепой твари, смирил боль заклятием и, набрав в легкие воздуха, вскочил на ноги. Он живо подобрал топор и отскочил на расстояние, безопасное лишь в том смысле, что Слепец не покрывал его одним прыжком.

Слепец переместил тяжесть своего уродливого тела на заднюю пару ног и изготовился к новому прыжку.

Герфегест никогда не видел, чтобы пауки прыгали. Слепец был пауком. Скорее пауком, чем каким-либо иным созданием. Его ложноязык, правда, был неким новшеством в паучьей анатомии, но все остальное было сходным. Слепец был исчадием свихнувшейся природы, которое знает лишь одно дело – искать Семя Ветра и крушить все на своем пути. И сейчас, похоже, оно сокрушит Киммерин.

Герфегест бросил свои кинжалы, но они отскочили от брони Слепца, словно медная монета от булыжной мостовой.

Киммерин сделала более удачный бросок, но уж лучше бы она сделала менее... И тут Герфегест понял, что спустя еще мгновение он потеряет Киммерин точно так же, как он потерял Тайен.

Второй женщины, умершей ради Семени Ветра, он себе не простит. Хватит смертей!

Сердце Герфегеста наполнилось алым бешенством битвы и безумной жадой защитить Киммерин во что бы то ни стало. Такого яростного порыва Герфегест не помнил за собой со дня свадьбы близ святилища.

«Конгетлары всегда старались казаться другим людьми без сердца. К Хуммеру в пасть весь этот траханный маскарад!» – решил Герфегест и, выхватив меч, бросился в центр той невидимой линии, которая соединяла Киммерин и Слепца.

Линией смерти называли ее люди Алустрала.

Герфегест поднял свой изогнутый меч, чья заточка была настолько совершенна, что лезвие легко проходило сквозь женский волос, осторожно положенный на него сверху.

Разить в те места, где хитиновые части брони Слепца сочленяются друг с другом, – таковы были немудрящие, немногочисленные мысли Герфегеста. Если бы он умел заговаривать Семя Ветра, как это сделала Тайен!

Горхла и Киммерин следили за происходящим затаив дыхание. Горхла был ранен, Киммерин – безоружна. Как вдруг краем уха Герфегест услышал отчетливые звуки возни, которые доносились со стороны крыши, под навесом которой примерялся к прыжку Слепец.

– Герфегест! – завизжала Киммерин.

Но Слепец не успел прыгнуть. Прыгнул кто-то другой. И Герфегесту не случилось вонзить свой меч в брюхо Слепца.

Этот таинственный «кто-то» спрыгнул с плоской крыши того самого строения, к которому теснил гигантского паука Горхла.

Прыжок был великолепен – тень в длинном одеянии пролетела огромное расстояние и приземлилась ровнехонько на холку омерзительного создания, обхватив руками его слуховые бугры.

Кто бы ни был незнакомец, проделанный трюк выдавал в нем опытного наездника с недюжинной физической подготовкой. Никто – ни Герфегест, ни Киммерин, ни Горхла – не успел подыскать происходящему объяснения, а Слепец, укрощенный незнакомцем, уже втянул ложноязык и... в бессилии осел на землю!

То, что произошло дальше, было еще большей неожиданностью.

Незнакомец встал с умерщвленного чудовища, словно наездник с обессилившей кобылы. Нарочито легкомысленным движением отер слезь Слепца со своих бедер, подошел к Герфегесту и... упал перед ним на колени! Незнакомец старательно упер лоб в колючую пыль и вытянул вперед руки. Герфегест помнил – так в Алустрале кланяются лишь очень и очень важным персонам!

«Одолел Слепца и рехнулся, что ли, от счастья? Да ведь это он заслужил почести и челобитие. А вовсе не я», – пожал плечами Герфегест. Киммерин и Горхла удивленно тараторили то на Герфегеста, то на челобитчика.

Герфегест вложил меч в ножны. Наверное, нужно было что-то сказать, поднять человека с земли. Но Герфегест, ошалевший в круговерти событий этой ночи, не мог сообразить что.

И тут уста неведомого укротителя Слепца, только что поцеловавшие проклятую землю Денницы Мертвых, наконец-то отверзлись:

– Некогда я обещал тебе, Хозяин Павшего Дома Конгетларов: если ты вернешься, я паду перед тобой ниц.

15

Нисоред не убил Слепца, ибо невозможно убить то, что не живет. Он лишь смирил его силою своей магии. Он усыпил его, лишил воли, заставил служить себе.

Запасливый Горхла бросил Нисореду как следует наколдованную цепь, на которой Мелет привел Слепца в Сармонтазару на погибель Герфегесту. И намордник, который сковывал жвала мерзкой твари в те дни, когда она служила Гамелинам.

Нисоред удовлетворенно крикнул и тут же надел сбрую на Слепца. Он обвязал цепь вокруг колонны из красного гранита, подпиравшей ничто (или, может, небо?) у парадного входа брошенного дворца.

И только когда Слепец был обезврежен и изолирован, они позволили себе почувствовать усталость.

Нисоред помог Герфегесту перетащить в убежище Двалару. Грудь воина была разорвана передними лапами твари, стремительно выскочившей из вопящей немыслимыми чайками и шумящей далеким морем темноты ночи.

Ребра Двалары были перебиты ударом не менее мощной задней паучьей лапы в четырех местах. Двалара дышал. Но его дыхание было прерывистым, частым и сопровождалось громкими хрипами.

– По-моему, он не жилец на этом свете, – шепотом сказал Герфегест, стараясь казаться бесстрастным.

Несмотря на то что временами Двалара чудовищно раздражал Герфегеста своей беспардонностью и болтливостью, несмотря на то что порою он казался Герфегесту невыносимо самовлюбленным идиотом без чувства юмора и меры, несмотря на то что он все больше ревновал Киммерин к Дваларе, Рожденный в Наг-Туоле не хотел его смерти.

Помимо жалости была еще одна причина, которая заставляла Герфегеста заботиться о здравии Двалары. Если Двалара умрет, а именно на это указывает слабый и нечеткий пульс, который Герфегест едва смог прощупать с левой стороны его шеи, еще одна смерть будет

лежать на его, Герфегеста, совести. Смерть еще одного человека, поставившего свою жизнь на кон ради Семени Ветра.

– Если ты продолжишь потакать своим невеселым мыслям, парень наверняка умрет, – сказал Нисоред. – И карлик умрет тоже – ложноязык этого уroda весьма ядовит!

– Интересно, что ты можешь предложить, Нисоред, кроме плохих прогнозов? Я не знаю противоядия. Зато я знаю, что лечить человека, у которого сломана грудная кость, выворачены наружу ребра и порвано одно легкое, совершенно бесполезно.

Киммерин, слышавшая их разговор, закрыла лицо руками, сотрясаясь в беззвучных рыданиях. Если бы Герфегесту в этот момент случилось видеть ее, он бы понял, что его ревность к Дваларе не была лишена оснований. Но он не обернулся.

– Ты прав во всем, кроме одного. Где яд – там и противоядие. Где болезнь – там и лечение. Слепец нанес вам вред – Слепец имеет лекарство, в котором очень много пользы.

– И где оно, это твое хваленое лекарство? – мрачно буркнул Горхла, которому абсолютно не улыбалось попрощаться с жизнью уже после того, как враг повержен и безразличие победителя разлилось в затуманенном болью мозгу.

– Мне нужен кувшин с широким горлышком, Герфегест.

Герфегесту, разумеется, хотелось знать, каким образом Нисоред – в чьем магическом искусстве он теперь не сомневался – собирается выклянчить у Слепца лекарство. Но сопровождать Нисореда он не стал. Это было слишком – вытерпеть общество бессмертной твари после того, как она едва не укущила тебя во второй раз! Даже железные нервы имеют свойство ржаветь от усталости и напряжения.

Нисоред вернулся, неся в руках кувшин, наполненный фосфоресцирующей белесой жидкостью.

– Это молоко Слепца. Я надоил его только что – у него под подбородком два сосца.

– Как тебе удалось заставить его доиться?

– Это так же просто, как доить корову или козу, – пояснил Нисоред. – Надо только как следует ударить его по голове – между слуховыми буграми.

– Это ловко, – криво усмехнулся Герфегест. – А я уж думал, ты будешь действовать лаской.

– Перебьется, – буркнул Нисоред и присел рядом с Горхлой.

– Я не буду пить эту дрянь. Лучше сдохнуть, – отозвался тот. На лице карлика застыла гримаса крайнего отвращения.

Полные губы Горхлы потрескались, белки глаз стали красными, его бил озноб. По всему было видно – Горхлу мучит страшный жар, какой нередко вызывают сильные яды. Мышцы, обнаженные раной, почернели. Из ее глубины вместо крови сочился темно-зеленый гной.

– Экий ты неженка! – не сдержался Герфегест.

– Не буду. Лучше убейте сразу!

– Постой, но тебя никто не просит пить ее, – умиротворяюще сказал Нисоред. – Подставь мне свое плечо, Горхла. И отвернись – не то неровен час тебя стошнит на одежду, как ту благородную барышню при виде сношающихся песиков.

Хохотнув, Нисоред окропил рану Горхлы молоком Слепца и, не обращая внимания на забористую ругань карлика, корчившегося от боли, приступил к лечению Двалары.

16

– А что делать со Слепцом?

– А что с ним сделаешь? Мясо у него совсем не вкусное, – отозвался улыбчивый Нисоред.

– Ну, убить, заколдовать, расправиться с ним – что угодно!

– Бесплезно пытаться уничтожить Слепца. Лучше я возьму его себе – с ним будет не так одиноко. Теперь он мой раб. В нем много силы и столько же повиновения, – сказал Нисоред.

– Поступай как знаешь, – развел руками Герфегест. – Но самое умное – отвезти тварь к самой Бездне Края Мира и дать ей пинка под зад.

– Может быть, со временем я так и поступлю, – мягко улыбулся Нисоред. – А пока что пусть походит у меня в цепных псах.

В самом деле, определенные выгоды в таком решении были. Молоко Слепца было столь же целебным, сколь ядовит был его ложноязык. В этом и Герфегесту, и остальным представилась возможность убедиться следующим утром.

Двалара встретил рассвет в сознании. Киммерин не отходила от него всю ночь, пытаясь снять жар холодными примочками. Вода из Колодца Невинных, едва не стоившая Дваларе жизни, теперь должна была помочь ему выздороветь. Утром девушку сморил сон. А когда она пробудилась, то застала Двалару сидящим на походных тюках и жующим кусок лепешки!

До того как Нисоред испробовал целительную силу молока на Дваларе, Герфегест привел в порядок его раны. Осторожно, чтобы не задеть жизненно важных органов и сосудов, он поставил на место и составил правильно кости. Правда, пришлось вышвырнуть прочь несколько острых обломков, которые не укладывались в общую гармоничную картину – в ту ночь, сам того не заметив, Двалара полегчал на несколько харренских унций.

Герфегест наложил на грудь и руки Двалары чуть ли не лигу целебных повязок (пожертвовав на сие человеколюбивое деяние свою единственную рубаху и шикарный атласный плащ Киммерин). Результат оправдал все, даже самые смелые ожидания! Очнувшись, Двалара даже не смог представить себе в полной мере, что же на самом деле сделал с его телом разъяренный Слепец.

Горхла справился с хворью еще быстрее. Спустя несколько часов ему достало сил сходить вместе с Нисоредом к Невинному Колодцу – подобрать брошенные впопыхах бурдюки с водой, которая была столь необходима отряду для продолжения пути.

А Герфегест смог наконец поспать. Так окончилась ночь, имевшая столь романтическое начало.

17

К вечеру следующего дня отряд был готов продолжать путешествие в Старый Порт Калладир. Остаться в Деннице Мертвых не было никакого смысла.

– Ганфала велел нам возвращаться как можно быстрее, – невесело заметил Горхла и взвалил свой мешок и часть поклажи Двалары на свои неширокие плечи.

Киммерин и Двалара переглянулись. Видимо, оба они знали, что случается с теми, кто не исполняет велений Ганфалы. Одному Герфегесту было плевать на Ганфалу. Да, пожалуй, еще Нисореду.

– Пусть будет ваш путь через эти безумные земли легким. И пусть возвращение оправдает самые смелые ваши надежды! – тепло сказал Нисоред.

В правой руке он сжимал уже знакомую всем цепь. Слепец, силою магии Нисореда обратившийся из неодолимого чудовища в покорного псарю кутенка, топтался за его спиной.

– Быть может, пойдешь с нами, Нисоред? – предложил Герфегест.

Ему хотелось поговорить с Нисоредом, ведь маг был единственным среди всех, кто помнил его молодым. Единственным, кто помнил самоубийство Конгетларов. И это рождало иллюзию сопричастности.

Но в суете прошедшей ночи и нового дня так и не выдалось часа для откровенного разговора. Единственное, о чем Герфегест успел переговорить с Нисоредом, так это о Семени Ветра. К вящему разочарованию Герфегеста, оказалось, что Нисоред понятия не имеет, как его использовать и зачем оно Ганфале! Все это обескуражило Герфегеста, ведь не кто иной, как Нисоред, впервые рассказал ему о самом существовании этой таинственной и могучей вещи.

– Я сожалею, Хозяин Дома Конгетларов, но меня ожидают неотложные дела, – ответил Нисоред, и в голову Герфегесту закралась мысль о том, что маг утаивает от него что-то важное. – И мне пора идти своей дорогой.

– Скажи мне, Нисоред, какие неотложные дела могут заботить мага, отшельничающего в Поясе Усопших? – не отставал Герфегест.

Ему вспомнилось, как давным-давно Конгетлары собирались везти скрученного «паутиной» и невыразимо бледного лицом Нисореда на заклятие Дому Пелнов. Щедро заплатившему за Нисореда Дому, с которым по возвращении ему, быть может, снова придется вести дела...

– Только дураки думают, что, когда уходишь от людей, приходишь в пустоту. Пустоты вообще не бывает. То, что я называю неотложными делами, это не совсем то, что называете неотложными делами вы, люди большого мира. И все-таки это тоже неотложные дела, – уклончиво ответил Нисоред. – Меня ждет мой дом.

– Скажи мне, где теперь твой дом, Нисоред. Быть может, однажды утром я постучу в твоё окно и предложу распить со мной кувшин доброго вина?

Нисоред бросил на Герфегеста острый взгляд, в котором тому почудились и намек на тайну, и поощрение. Казалось, Нисоред попросту тяготится обществом Двалары, Горхлы и Киммерин.

– Я думаю, ты понимаешь, что я больше не живу в Суверенной Земле Сикк. Мои сыновья уже давно поделили остров между собой и успели убить друг друга, уступив право убивать и быть убитыми своим дядьям и двоюродным братьям. Искать меня там не следует.

– Это я и мои кровники поняли еще пятнадцать лет назад. Мы искали тебя в Старом Порту Калладир. И нашли тебя там, – вставил Герфегест.

– Да. Но и Старый Порт Калладир, куда вы сейчас направляетесь, тоже перестал быть мне домом. Жить по соседству с Густой Водой станет только умалишенный.

– О какой Густой Воде ты говоришь? – спросил Герфегест в недоумении.

– Нет смысла объяснять, – отмахнулся Нисоред. – Если вам суждено встретиться с ней, мои объяснения вам не помогут. Если же нет – они только будут мешать вам спать ночами. Так что если ты не шутишь насчет доброго вина, Герфегест, тебе придется прийти туда, где раньше был Наг-Туоль.

Герфегест опешил. Наг-Туоль? Столица земель его Дома. Место, где повивальная бабка перерезала его пуповину. Где его родители сочетались браком под ликующие крики ленников и вельможных гостей с соседних островов...

– Ты сказал «был Наг-Туоль»? Почему «был», Нисоред? – нахмурился Герфегест. – Я полагал, он стоит и нынче под началом имперского распорядителя. Или дарован за особые заслуги Гамелинам. Возможно, Лорчам...

Голос Герфегеста не дрогнул, хотя это и стоило ему некоторых усилий.

– После того как вы, Конгетлары, были повержены, Пояс Усопших пожрал ваши земли, как воды прилива пожирают сушу. Ни один род ни одного из Семи Домов не смог подчинить себе Наг-Туоль и прилежащие к нему владения Конгетларов. Похоже, только сила Пути Ветра и его воинов могла сдерживать враждебные жизни стихии. И не только стихии.

– Мне не рассказывали об этом. – Герфегест бросил укоряющий взгляд на Горхлу, Киммерин и Двалару, но... их удаляющиеся спины уже маячили в конце кривой улочки – одной из сотен кривых улочек Денницы Мертвых!

Герфегест так увлекся разговором, что не заметил, как они ушли. Хотя их уход явно задумывался как демонстративный. «Хватит болтать», – вот что значил этот коллективный жест в переводе на человеческий язык.

– Они многого не рассказывали тебе, – таинственным шепотом сказал Нисоред. – Ты найдешь меня в Наг-Туоле, возле пристани Танцующая Ласка. А теперь поспеши! Не то твои новые друзья будут дуться на тебя до самого Старого Порта!

18

Пути Звезднорожденных

– Милостивый гиазир Элиен! Милостивый гиазир! – встревоженно затараторила молоденькая служанка с плеядой веснушек на щеках – одна из тех, что присматривают за садом. – Извольте видеть, там... там, я прямо сама не знаю!

Элиен отложил в сторону свиток и медленно повернул голову в сторону вошедшей.

– Что там? Медленноструйный Орис вышел из берегов и просит позволения войти? Или за ночь с неба просыпалось столько звезд, что погибли от зависти все белые померанцы на главной аллее? – спокойно спросил Элиен.

Но безмятежное спокойствие господина не снизошло на служанку. Она затараторила еще быстрее. Ее руки успели перебрать две дюжины жестов, значение которых Элиену было очевидно: паника, непонимание, мольба...

– Ваши померанцы целее целого, милостивый гиазир. Но вот что-то там другое... В бассейне еще сегодня на рассвете ничего не было! Там совершенно ничего не было! Мозаика целехонькая, лепота...

– И что там теперь?

– Теперь там растет дерево. Оно, правда, пока совсем еще не дерево. То есть еще маленькое. Но оно растет на глазах! Мозаика переломана, дерево выпило всю воду... Если вы не верите, идемте, посмотрите сами!

Элиен поднялся. «Дерево». Хорошие дела.

– И что за дерево? – поинтересовался Элиен, накидывая на плечи плащ цвета Белого Пламени Гаиллириса.

Ответ на этот вопрос Элиен мог бы дать и сам. Одно такое дерево он уже видел. В саду Эллата.

Элиен знал ответ на этот вопрос и все-таки задал его. Наверное, чтобы не смущать служанку своей зловещей осведомленностью.

– Это вяз, милостивый гиазир! Таких... полным-полно... полно в землях герверитов, – запинаясь, сказала служанка.

Через несколько коротких колоколов они уже стояли у бассейна. Вдоль мраморной кромки в беспорядке валялась садовая утварь – нож, совок, прутья, корзинка с саженцами. Веснушчатое личико служанки залилось румянцем – это нехорошо, смущать взгляд господина корзинами и совками. За такие дела домоправитель запросто может ее высечь! Но смущение сразу же уступило место первобытному ужасу. Ужасу перед необъяснимым.

В самом центре бассейна, пробив мозаичное дно, на глазах рос и наливался соками побег вяза. Ветви его крепили, вытягивались ввысь. Ствол становился все толще. Только

листьев пока не было – набухшие почки все еще хранили нежную зелень от глаз посторонних.

– Когда я его заметила, он был вот такой. – Служанка провела ребром ладони поперек своей маленькой груди, обтянутой лифом из желтого сукна. – А теперь...

...А теперь вяз был высотой в рост взрослого мужчины. Элиен сложил руки на груди и воззрился на непрошеное чудо.

Четырнадцать лет назад в саду Эллата из плода итского каштана вырос побег герверитского вяза. Тогда это означало, что мирные времена ушли из Сармонтазары надолго. То был знак войны Третьего Вздоха Хуммера, в которой Элиену удалось одержать победу.

Элиен смотрел, как вяз разворачивает свои ветви навстречу солнечным лучам. Его корни превращали бассейн с сакральной мозаикой в дрянную помойную яму. Воды священного бассейна поглощались герверитским вязом и все новые ростки рвались наружу, измазанные бурой глиной.

Ничего в мире не происходит зря.

Элиен ведал знаки. Он видел нити судьбы и знал, о чем кричит мироздание, чья ткань сейчас раздираема своенравными корнями зловещего дерева, выросшего в противоестественном месте с противоестественной быстротой.

«Война. Еще одна война с Хуммеровой тьмой. Война в мире воды, с водой, на воде. Война с Братом по Слову, Звезднорожденным. Вот каков он – этот странный знак. Сколь много в нем горя! О любезный брат мой, Шет окс Лагин, что же натворил ты, Сиятельный князь Варана, Пенный Гребень Счастливой Волны!» – в сердцах вскричал Элиен, но уста его не проронили ни звука.

Элиен присел на корточки.

– Это наваждение, моя милая, – успокоил он служанку, рыдающую у его ног.

Почки на ветвях лопнули все разом. Но нежной листвы не было. Вместо нее на разрушенную мозаику упали несколько скупых капель крови.

Глава 4

Старый порт Калладир

1

Они стояли на одном из невысоких каменистых холмов, полукольцом охватывающих Калладир со стороны Пояса Усопших. Вид с холма был величественным, торжественным и тревожным.

Спускались к морю каменные террасы города, от которого осталось совсем немного. Гавань была затянута плотной сиреневой дымкой, но туман не помешал Герфегесту увидеть главное. Корабль, обещанный Горхлой, был на месте. Палуба корабля не стала ситом, а его паруса не превратились в зеленые сопли. Миг торжества?

Дальше к западу Герфегест впервые за четырнадцать лет видел роковую Синеву Алустрала. Безбрежный сапфирово-синий океан был спокоен. И совершенно пустынен.

Только на юго-западе у самого горизонта виднелась цепь далеких островов. Архипелаг Лорнуом, владения Пелнов. По крайней мере, когда Герфегест покидал Алустрал, Лорнуом принадлежал Пелнам.

– Кто сейчас владеет архипелагом? – спросил Герфегест у Горхлы, который, отойдя на несколько шагов в сторону, пытливо ощупывал ссохшуюся землю холма.

Вместо Горхлы ответила Киммерин:

– Лорнуом не принадлежит никому. Там нельзя жить.

– Гамелины? – спросил Герфегест, который за время пути успел привыкнуть к тому, что все зло в мире помечено тавром Черных Лебедей.

– Да, Гамелины, – подтвердил его предположение Горхла, поднимаясь на ноги. Сквозь его пальцы медленно сочилась серая пыль. – Там теперь даже хуже, чем здесь, а здесь очень плохо, – веско добавил Горхла, покосившись на свой топор.

«Жаль. Красивое было место», – подумал Герфегест и в его груди всколыхнулось далекое воспоминание. Осанистые кипарисы, гул шмелей над тяжелыми чашами напоенных зноем цветов, жирные улитки, оставляющие на шероховатых, прокаленных солнцем камнях длинные слизистые следы.

Вовсе не противные, как считают многие. В особенности харренские дамы. В отличие от Алустрала, где улитка – животное знания, животное, напоминающее о домашнем очаге, в Харрене улитка – тварь очень непристойная, милостивые гиацинты.

Герфегест с трудом отогнал от себя дивное видение – цветущий Лорнуом. Такой, каким он никогда уже не будет.

Пелны, которым принадлежал архипелаг Лорнуом, были повинны в гибели многих и многих Конгетларов. Герфегесту не за что было любить Пелнов. Но острова архипелага, прозванные Шмелиными, были красивы. Почему мир так своеволен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.